

Виктор Полнщук

**Гора родила мышь
Бандеровскую**

Annotation

Кто-то сказал: «Бог не может изменить прошлое. Это могут только историки». Очень правильная мысль. И даже не циничная, если только слово «историк» взять в кавычки...Передо мною лежит работа известного канадского политолога Виктора Полищука «Гора породила мишу. Бандерівську», изданная в 2006 году в Торонто. В «демократической» Украине ее не решилось опубликовать ни одно издательство. Она посвящена критическому разбору так называемого «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН-УПА (историческое заключение), в котором оуновский бандитизм объявляется национально-освободительным движением.

Предметом критики, как видно из заголовка публикации, является работа под авторством историков, собранных в высочайшем научном учреждении Украины, которым должен бы быть Институт истории Украины Национальной академии наук.

Учитывая то, что «Отчет» имеет вроде бы научный, но одновременно и политический характер, его критика будет не типичной, иногда она будет выходить за рамки обычной рецензии.

-
- [Виктор Полищук:](#)
 - [Вступительное слово](#)
 - [I. Организация научно-исследовательской работы и основные творческие достижения](#)
 - [II. Проблема ОУН-УПА: основные тезисы \(исторический вывод\)](#)
 -
 - [II. 2. Противостояние украинских националистов и советской власти в 1939–1941 гг.](#)
 - [II. 3. Ситуативный союз украинских националистов с гитлеровской Германией](#)
 - [II. 4. Судьба воинских формирований «Нахтигаль» и «Роланд»](#)

- [П. 5. Планы А. Гитлера относительно Украины и ОУН](#)
- [П. 6. Акт 30 июня 1941 г.](#)
- [П. 7. Переход украинских националистов на антинемецкие позиции](#)
- [П. 8. О времени создания УПА](#)
- [П. 9. Противонемецкие вооруженные акции УПА](#)
- [П. 10. Отношение ОУН\(б\) к дивизии СС «Галичина»](#)
- [П. 11. Украинско-польское противостояние](#)
- [П. 12. Противостояние украинских националистов и органов советской власти](#)
- [П. 13. Противостояние украинских националистов и советской власти в послевоенный период](#)
- [П. 14. Идеология украинских националистов](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом
[NemaloKnig.net](#) - приходите ещё!

[Ссылка на Автора этой книги](#)

[Ссылка на эту книгу.](#)

Виктор Полищук: Гора родила мышь. Бандеровскую

*Умным и честным депутатам Верховной Рады
Украины посвящена эта работа*

Автор

*Разрешаю публиковать эту работу на языке
оригинала и в переводе на другие языки с условием:
не изменять в ней ничего и распространять без
заработка*

Автор

Extrema malis extrema remedia^{[\[1\]](#)}.

Вступительное слово

Речь идет о критике, а не о рецензии, так как рецензировать можно научное произведение, а «Отчет» лишен примет научности.

«Отчет» опубликован в интернете.^[2]

Предметом критики, как видно из заголовка публикации, является работа под авторством историков, собранных в высочайшем научном учреждении Украины, которым должен бы быть Институт истории Украины Национальной академии наук. Наука — это царство знаний, она не должна быть запятнанной никакой тенденциозностью, ее работники должны быть образцом высокой морали. Если эти приметы отсутствуют, тогда это — не наука. Древнеримский историк Тацит в начале каждого тома своих «Анналов» давал поруку своей объективности словами: *sine ira et studio*, которые в переводе означают «без гнева и пристрастия». Этот принцип обязывает, в частности, историков (о них здесь будет речь), быть объективными, т. е. не поддаваться тем или иным ненаучным влияниям. Если этого принципа не имели возможности придерживаться историки при тоталитарных режимах, вследствие чего часто появлялись работы по сути ненаучные, то вину за это следует возложить не на историков, а на господствующий тоталитарный режим.

Приведенные выше замечания — не случайные, они имеют непосредственное отношение к материалу, который здесь подвергается критике. Замечу при этом, что в последние более десяти лет в Украине формально нет тоталитарного режима, но, тем не менее, критикуемая работа не имеет ни малейших признаков научности, она — прямое или опосредствованное выполнение политического заказа сил, которые стремятся к оправданию Организации украинских националистов (ОУН) и т. наз. Украинской повстанческой армии (УПА). Упомянутая в заголовке проработка группы историков будет называться здесь «Отчетом».

Учитывая то, что «Отчет» имеет вроде бы научный, но одновременно и политический характер, его критика будет не типичной, иногда она будет выходить за рамки обычной рецензии. Это продиктовано предвидением возможных последствий «Отчета».

Институт истории Украины Национальной академии наук Украины опубликовал сборник материалов «ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ И УКРАИНСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ».^[3] «Отчет» является квинтэссенцией этой публикации. Автор этой критики, зная почти целиком политизированное состояние современной украинской и польской исторической науки в области изучения проблемы ОУН-УПА, убежден, что на объективное обсуждение названной выше публикации довольно надеяться. Ниже подписавшийся мог бы сделать полный анализ этой публикации при том условии, если бы с этим к нему обратилось серьезное учреждение или организация, и с одновременным уверением, что его труд будет опубликован на украинском и русском языках.

«Отчет» имеет форму введения: «Организация научно-исследовательской работы и основные творческие достижения», под авторством профессора Станислава Владиславовича Кульчицкого, подписанного им, и раздела «Проблема ОУН-УПА: основные тезисы (исторический вывод)», всего в четырнадцати разделах, которые не подписаны, что можно трактовать как коллективный труд, но под эгидой проф. С. Кульчицкого. Именно это дает основание обращать критику непосредственно к нему, хотя автор последнего раздела «Идеология украинских националистов» известен, это проф. Г. Касьянов, поэтому в некотором объеме критика будет направлена также и в его адрес. Для большей убедительности критика будет относиться к утверждениям «Отчета» в таком порядке, в котором они написаны, а так как в «Отчете» есть повторы, они появятся также и в критике.

Острота критики, несмотря на факт авторства «Отчета» под авторитетом самого высокого научного учреждения на Украине, то есть Национальной академии наук, продиктована уровнем «Отчета» и его политическим значением.^[4] Автор критики руководствуется принципом, по которому высочайшим авторитетом есть ПРАВДА, согласно Святому Евангелию: *«И познаете правду, а правда вас освободит»* (Иоанна 8:32).

На информационной странице издания написано, что над проблемой работала группа историков в течение 1997–2004 гг. Итак, посмотрим на «достижения» их работы.

I. Организация научно-исследовательской работы и основные творческие достижения

Такой заголовок имеет текст авторства проф. С. Кульчицкого. Уже в первом предложении, утверждая, что соответствующий закон Украины признал *«війсковиків» УПА... лицами, которые относятся к участникам боевых действий*, автор обнаружил, что он подвержен влиянию украинской националистической историографии. Откуда же, как не из нее, взял проф. Кульчицкий название *військовики*? В украинском литературном языке такого названия нет, оно не упоминается ни в современных, ни в старых словарях украинского языка, этого слова нет ни в «Словаре украинского языка» Бориса Гринченко, ни даже в диаспорном «Правописном словаре» Г. Голоскевича. В законе такого названия нет, а если бы было, то оно, происходящее, вероятно, от *«військового»* (военнослужащего), должно было бы быть подвержено проф. Кульчицким семантическому анализу с целью уточнения этого понятия. Профессор Кульчицкий, после многих лет изучения украинского национализма, должен бы согласиться, что, поскольку речь идет об участниках УПА, то они отнюдь не являются *«військовиками»*, то есть «военнослужащими». «Военнослужащий» — это «принятый, установленный в войске, в армии», а УПА армией не была, хотя в название УПА и входило слово «армия».

Того, что по его оценкам УПА была «войском», С. Кульчицкий не скрывает, он так и пишет, что в работе речь идет об *«исторической оценке воинского формирования, которым была УПА»*. Он это подчеркивает, упоминая «боевиков ОУН» и «войсковиков УПА». Но, видимо, С. Кульчицкий сам не уверен в таком названии, так как уже в следующем предложении он, имея в виду УПА, пишет, что *«органы советской власти боролись с повстанческим движением»*. Так как же это так, что после семи лет исследований проф. Кульчицкий не в состоянии определиться, была ли УПА «армией» («войско», «войсковик») или «повстанческим движением», членов которого следовало бы называть «повстанцами»? В противоположность проф. Кульчицкому, автор этой критики доказывает, что УПА не была

«войском» (армией), так как войско является государственной структурой, а ОУН Бандеры, несмотря на провозглашение «Акта 30 июня» (о котором дальше), государственным органом не была. УПА не была также движением повстанческим. Во всем мире и в любое время повстанческие движения формируются исключительно из добровольцев-повстанцев, а не по приказу («восстания», спонтанные или определенным образом организованные, по семантике слова, не возникают по приказу). В то же время, уже в мае 1943 года, УПА состояла из «мобилизованных» в нее с применением террора не менее чем на 50 %, а на переломе 1943/1944 лет «мобилизованных» в УПА было уже не менее 90 %.

Кроме того, известно, что УПА истребляла гражданское население (против чего не возражает сам С. Кульчицкий, и далее также это будет видно), так как же можно при этом называть ее участников «военными»? Авторам научных проработок следовало бы пользоваться научной, адекватной к фактам, терминологией, а не пропагандистско-политическим жаргоном.

Каким же формированием была бандеровская УПА?^[5] На этот вопрос находим ответ у творца «первой» УПА — у Тараса Бульбы-Боровца, он бандеровскую УПА называет «партийными боевками» ОУН Бандеры.^[6] Следует отметить, что раз в «Отчете» говорится про УПА, которая была вооруженным формированием ОУН Бандеры, то в критике не обойтись без использования такой националистической терминологии в отношении националистических формирований. Также оправданным будет воспользоваться такими названиями, как «боевик», («боевар» от «боївка») и т. п.

В одном, и только в одном, прав С. Кульчицкий, когда он говорит, что *советские пропагандисты утверждали о том, что повстанческое движение (то есть ОУН-УПА — В.П.) было инициировано гитлеровскими спецслужбами* и отрицает это утверждение. Неизвестно ни одного доказательства этого. Вооруженные силы ОУН Бандеры появились по инициативе бандеровцев вследствие событий, которые происходили в начале 1943 года на Волыни, об этом речь будет дальше. Сказанное не противоречит утверждению, что ОУН Бандеры и ее вооруженные формирования (подчиненные ей непосредственно или только политически) были тесно связаны с немецкими оккупационными силами, с коротким, продлившимся всего

приблизительно восемь месяцев, перерывом. Об этом также речь будет дальше.

Называя бывших участников УПА «ветеранами», С. Кульчицкий становится тем самым на бандеровские позиции. Они таковыми не являются ни по оценкам ветеранов Великой Отечественной войны, ни у многих исследователей проблемы украинского национализма, в том числе и в оценке автора этой критики, так как ветераном не может быть член преступного формирования.

По информации С. Кульчицкого, результатом труда рабочей группы историков Института истории Украины НАН, были проработки в виде 27 книг общим объемом 5723 страницы (290 печ. листов). Посмотрим дальше, оправдан ли в этом контексте заголовок критики такой гигантской по объему работы украинских историков — «Гора породила мышь». Немаловажно то, что в работе группы историков принимал участие А. Кентий — хранитель фондов Центрального государственного архива общественных объединений Украины,^[7] так как это значит, что у историков не было препятствий в доступе к этому важному для проблемы ОУН-УПА архиву.

Важной является также информация об объеме историографии предмета, которой пользовалась группа историков. Невооруженным глазом видно, что «изучение» проблемы опиралось на сознательно селекционированную историографию, и это невзирая даже на то, что, по самому С. Кульчицкому, работы Владимира Косика, на которые в большой мере опираются выводы историков, являются тенденциозными. Тот же В. Косик, как пишет сам С. Кульчицкий, *не включал в свои сборники информацию об уничтожении вояками УПА жителей польских сел... Косик обошел своим вниманием некоторые острые сюжеты*. Так стоило ли группе историков опираться на такие, явно тенденциозные, источники? В то же время группа историков не пользовалась изданными в 2002–2003 годах сборниками архивных документов автора этой критики.^[8] Случайно ли это? Наверное, нет. Ведь в том сборнике (548 документов языком оригинала с переводом на польский язык) опубликован также документ, который, вне всяких сомнений, свидетельствует о принадлежности ОУН в довоенный период к фашистскому интернационалу. Вместе с тем, среди используемой группой историков историографии видное место заняла «Летопись УПА», которая публиковалась в Торонто, а потом новая

серия «Летописи УПА» в Киеве под эгидой Института археографии Национальной академии наук. При этом интересное наблюдение: почему же Институт археографии взял шефство над редактированием и изданием «Летописи УПА», ведь ОУН-УПА — это новейшая история, а не древние времена. Объяснение простое: львовские историки, защитники украинского национализма, а значит, ОУН-УПА — профессора Львовского университета, Ярослав Исаевич и Ярослав Дашкевич, будучи археографами, имея знакомства в Институте археографии НАН, именно в нем пробили издание «Летописи УПА».

В ходе работ упомянутой группы историков, убедившись в их очевидной тенденциозности, в частности самого проф. С. Кульчицкого, автор этой критики написал ему два открытых письма,^[9] надеясь спровоцировать обмен опытом. В ответ на них поступила дезинформация, в которой сообщалось, что проф. Станислав Кульчицкий умер. Это для того, чтобы в дальнейшем публично не указывать на его ошибки (если его явную zaangażированность на стороне ОУН Бандеры можно назвать ошибками).

После этого раздела опубликованы основные, не подписанные ничьей фамилией, «выводы», что дает основание думать, что их автором был проф. Станислав Кульчицкий, в адрес которого именно по этой причине будут сформулированы, иногда острые, замечания.

II. Проблема ОУН-УПА: основные тезисы (исторический вывод)

II. 1. Предмет исследования

В данном разделе идет речь о том, что *объединять можно только проблему ОУН-УПА*, а не структуры этих формирований, но в дальнейшем же написано, что проблема *касается и подпольной партийно-военной структуры, которой была ОУН, и партизанской по характеру армии, которой была УПА* — выделено В.П. Это означает, что, по С. Кульчицкому, ОУН Бандеры была «партийно-военной структурой», тогда как УПА носила характер «партизанской армии». Такого определения ОУН и УПА не в состоянии, наверное, понять даже виднейшие теоретики военного дела. В публицистике еще можно писать о «партизанской армии», но не в научном же исследовании. Кроме этого следует однозначно сказать, что ОУН-УПА не была ни армией, ни партизанским движением.

С. Кульчицкий пишет в отношении ОУН-УПА, что это были *структуры, которые боролись за независимость Украины*. На самом деле — боролись ли они за «независимость Украины»? Предоставим слово свидетелю и участнику событий того времени, Тарасу Бульбе-Боровцу, который в то время, то есть в 1943 году, боролся с советским партизанским движением на Волыни. В «Открытом письме к Проводу ОУН Бандеры и Головной Команде УПА» от 24 сентября 1943 года^[10] он писал: *Ваша «власть» ведет себя не как народная революционная власть, а как обычная банда... Вы уже сегодня начали братоубийственную борьбу, так как не хотите бороться вместе со всем украинским трудовым народом за его освобождение, вы уже сегодня боретесь только за власть над ним. Битье шомполами и расстрелы украинских крестьян... стали вашими ежедневными занятиями*. А в таком же письме от 10 августа 1943 года^[11] тот же Т. Бульба-Боровец написал в адрес ОУН Бандеры: *При ваших методах расстреливания украинцев из Красной Армии, бывших украинских коммунистов, комсомольцев и бичевании украинского актива, как это было на Житомирщине, умерщвлением путами своих наилучших людей*

— *вы не воссоздадите армии.* В статье, опубликованной в бульбовской газете «Оборона Украины»,^[12] тот же Бульба писал в адрес ОУН Бандеры: *Припомните 1941 год, когда бандеровцы с высунутыми языками перли за немецким фронтом и провозглашали «бандеровскую независимую»...* Существовала ли когда-нибудь на Украине такая революционная организация, которой собственный народ боялся бы больше, чем самого лютого врага, а ее членов не называл бы иначе, чем «путярями» (от слов «душить путами» — прим. переводчика) и «сокирниками» (от слова «топор» — прим. переводчика), которая честных и сознательных украинцев мордовала сильнее, чем гестапо или НКВД?... Что общего имеют с освобождением Украины бандеровские попытки уже теперь подчинить украинские народные массы своей партийной диктатуре и фашистской идеологии, которая противна украинскому народу, против которой воюет целый мир... я позволю себе спросить у вас: за что вы боретесь? За Украину или за вашу ОУН? За Украинское Государство или за диктатуру в этом государстве? За украинский народ или только за свою партию?

Процитированные здесь выдержки из открытых писем Т. Бульбы-Боровца в адрес ОУН Бандеры следует перечитать несколько раз, чтобы их запомнить и хорошо понять.^[13]

После этих цитат необходимо спросить С. Кульчицкого, а также А. Кентия: почему они игнорируют эти важные для определения политической сути ОУН-УПА архивные документы? А их они не могут не знать, они даже опубликованы в США в 1990 году. Как квалифицировать такой «исторический вывод», сделанный в результате исследований, проведенных под руководством С. Кульчицкого? Самый деликатный ответ на этот вопрос прост: проф. Станислав Кульчицкий вместе с целой плеядой других историков сознательно фальсифицируют историю! Не соглашаясь с утверждениями Т. Бульбы-Боровца и имея доказательства в свою пользу, они бы эти доказательства использовали. Однако временами они, являясь научными работниками, ведут себя просто никчемно.

С. Кульчицкий и его сотоварищи-историки к структурам, которые боролись за независимость Украины в прошлом, относят: Украинскую воинскую организацию (УВО), Организацию украинских националистов (ОУН), Украинскую повстанческую армию (УПА) и Дружины украинских националистов (ДУН). Подобного

определения можно было бы ожидать от таких «историков», как Петро Мирчук, но если его авторы научные работники академии наук, то это — авантюра. Скажем сразу: это — неправда! Эти формирования боролись за создание украинского, фашистского типа, государства, в котором украинские националисты имели бы власть НАД украинским народом. Такое стремление — не тождественно с борьбой за «независимость Украины», украинский народ никогда не желал иметь такой независимости в форме государства фашистского типа. И еще: можно догадаться, что, по мнению авторов приведенного утверждения, упомянутые выше формирования завоевали независимость для современной Украины, но это абсолютно не соответствует действительности: Украина не добилась этой государственной независимости, она украинцам даром досталась вследствие независимых от украинцев, а поэтому и украинских националистов, событий — независимость наступила вследствие распада СССР.

Поскольку «Отчет» зачисляет упомянутые выше формирования в разряд тех, что «боролись за независимость Украины», то необходимо несколькими хотя бы предложениями охарактеризовать их.

Организованная в июле 1920 года Украинская воинская организация (УВО) положила начало украинскому интегральному национализму. В 1919 году галицкая Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) (она не включала Волыни) потерпела поражение в войне с Польшей, вследствие чего государства-победители в I-й мировой войне, поручили территорию Галичины в административное управление Польши, а в марте 1923 года Совет Амбасадоров этих государств присоединил эту территорию к Польскому Государству. Вследствие этого Галичина стала частью Польского Государства, а ее жители в законном порядке стали гражданами Польши. Гражданство обязывает граждан к лояльности. В противоборстве — в спорте, в дискуссии, даже в войнах — надо уметь не только побеждать, но и с достоинством мириться с поражениями, делая в то же время выводы из поражения, анализируя его причины. Однако группа офицеров Украинской Галичской Армии (УГА) с Евгением Коновальцем во главе, не пошла на такой культурный выход, они эмигрировали в западноевропейские государства и там, на волне фашизма, который в то время там зарождался, на волне недовольства установленным после

той войны международным правопорядком, в сотрудничестве со спецслужбами Веймаркской Республики, то есть Германии, которая потерпела в той войне поражение, основали УВО, которая по программе, задачам и способам деятельности, была террористической организацией, опирающейся в своей деятельности на деньги враждебных Польше государств — за разведывательные услуги в их пользу, в частности в пользу Германии и Литвы. Разведывательная и шпионская деятельность УВО в пользу Германии, ее финансирование немецкими спецслужбами, видна в рапорте руководителя отдела разведки УВО, Осипа Думина, написанном в 1925 году в адрес Министерства иностранных дел Веймарской Республики.^[14]

Деятельность УВО была направлена против Польши и имела террористический характер — убийства служащих Польского Государства, а также тех украинцев, которые сопротивлялись террористической и диверсионной деятельности УВО, такой, как убийства, поджоги имущества, грабеж денег в сберкассах и т. п... Это была криминальная деятельность, которую не одобряло украинское население Галичины, довольное, что оно оказалось в составе Польского Государства, а не под большевистским режимом.

Деятельность УВО следует квалифицировать как террористическую, как преступную, направленную против международного права и законодательства Польши. Эта деятельность ни в малейшей мере не имела влияния на полученную после распада СССР независимость Украины.

Возникшая в 1929 году Организация украинских националистов, как видно из принятой ею в постановлении идеологии в виде доктрины Дмитрия Донцова, и из принятых программных постановлений, была идеологически-политической организацией, которая ставила своей целью построение украинского государства фашистского типа «на всех украинских этнографических территориях», объемом в 1 200 000 км², то есть также на территориях, которые принадлежат Польше, Беларуси, Российской Федерации, Молдове, Румынии, Венгрии и Словакии, а это означает войны, действия против установленного международного правопорядка, а поэтому это — преступление. Методом построения такого государства предполагалось *устранение* с ее территории всех неукраинцев (займанців) *во время национальной революции*.^[15] Вспомним,

что «устранять» в украинском языке означает «приводить к исчезновению чего-то, прекращать существование, ликвидировать». [16]) Обратив внимание на момент осуществления этих постановлений в 1943–1944 годах в отношении польского населения Волыни и Галичины, это оуновское «устранение» следует квалифицировать как народоубийство, то есть преступление, которое не имеет срока давности. Более точное определение ОУН можно прочитать в интернете. [17])

ОУН, как это видно также из определения, сделанного Т. Бульбой-Боровцом, должна квалифицироваться как преступная организация, целью которой был захват власти над украинским народом, а не его освобождение.

Про Украинскую повстанческую армию (УПА) уже говорилось и еще будет говориться дальше.

Дружины украинских националистов (ДУН), были сформированы ОУН Бандеры в рамках гитлеровского Абвера, то есть в рамках разведывательной, контрразведывательной и диверсионно-саботажной централи гитлеровского Вермахта. Это были батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», преобразованные в конце 1941 года в 201 батальон Schutzmannschaften (полицейский), который в составе соединений генерала фон дем Бах-Зелевского в течение 1942 года «пацифицировал» (усмирял) белорусское и украинское население на белорусско-украинской границе. [18]

Бандеровские «Дружины украинских националистов» можно бы определить как воевавшие за независимость Украины только при условии, если таковыми признать и гитлеровский Вермахт. В этом случае С. Кульчицкого и его сотоварищей-историков, как и целую плеяду сегодняшних историков и политиков не только Украины, но и Польши, следовало бы поставить перед попыткой теоретического решения так сформулированной проблемы: Воевали между собой большевистский Советский Союз и нацистская Германия, которая потерпела поражение, после которого возникли т. н. государства народной демократии, а впоследствии произошел развал СССР, вследствие чего появилась независимая (?) Украина. Вопрос — а что было бы, если бы победила Германия? После ее победы сразу или спустя десятилетия были бы вообще какие-нибудь Украина, Польша, Чехословакия? Где были бы сегодня потомки уцелевших тогда

украинцев? Теория не может избегать разбора и таких теоретических проблем.

С. Кульчицкий не отнес к формированиям, которые «боролись за независимость Украины», дивизию СС-Галичина, даже не упомянул ни об образованном в 1939 году «Легионе украинских националистов» (ЛУН) под командованием Романа Сушко, ни о «Буковинском курене», превращенном осенью 1941 года немцами в Киеве в полицейский отдел (дождется ли изучения проблема этого куреня в контексте его роли в Бабьем Яру в 1941 году?), так же как не упомянул о 31 батальоне СД, который мельниковцы «окрестили» «Волынским легионом самообороны», хотя задача этих формирований ничем не отличалась от задач и деятельности «ДУН». Это, наверное, потому, что они были образованы мельниковцами, а не бандеровцами, из чего следует сделать неопровержимый вывод, что С. Кульчицкий & Со ограничиваются только бандеровским толкованием истории, пренебрегая при этом мельниковским видением событий. Все они, упомянутые выше, и бандеровские, и мельниковские военизированные формирования одинаково «боролись за независимость Украины». А следовало бы осознавать и то, что «ЛУН» принял непосредственное участие в нападении Германии на Польшу в сентябре 1939 года, из-за чего ОУН приняла участие в развязывании Второй мировой войны, а «ДУН» приняли участие в нападении Германии на Советский Союз.

При этом следует указать на следующее: большое количество современных украинских историков и политиков отказывается называть начатую Германией в июне 1941 года войну против СССР «Великой Отечественной Войной», так как, мол, Советская Украина не была для украинцев отчизной. Как-то тяжело даже найти способ опровержения этой бессмыслицы, ведь отчизна, имеет ли она свое государство, или находится под оккупацией, все равно всегда отчизна. А гитлеровская Германия напала не на советский строй, а именно на территорию, между прочим, и главным образом, на территорию Украины. И не для того, чтобы освободить украинцев, а для того, чтобы их поработить. И их помощниками были националисты из обеих ОУН — Мельника и Бандеры.

С. Кульчицкий утверждает, что *взаимоотношения немецких войск и гражданской власти на оккупированной территории Украины*

с ОУН(Б), ОУН(М), УПА... составляют основное содержание проблемы ОУН-УПА, после чего он сразу же перескакивает к современному противостоянию между сторонниками и противниками националистов, между ветеранами ОУН и КПСС, УПА и Советской армии. Таким образом, ограничивая проблему, С. Кульчицкий, признает то, чего нельзя спрятать, то есть противостояние ОУН-УПА и Советской армии, но старается спрятать основное: содеянное формированиями ОУН преступление народовбивства польского мирного беззащитного населения и украинского гражданского, тоже по сути беззащитного, населения. От рук ОУН-УПА (в большой мере «Службы безопасности» ОУН Бандеры) мученической смертью в 1943–1944 годах пало по меньшей мере 120 000 поляков и в 1941–1950 годах по меньшей мере 80 000 украинцев. Об этих последних сейчас никто в Институте истории Украины Академии наук даже не заикнется, а это уже проблема не только научная, но и моральная.

Далее С. Кульчицкий, держа на уме упомянутое современное противостояние, предлагает *демифологизацию проблемы ОУН-УПА путем популяризации исторической правды, какой бы она ни была для сторон*. Читая «Отчет» С. Кульчицкого, мы уже видим, что он «демифологизирует» ОУН-УПА, но не путем правды, а путем переписывания истории.

II. 2. Противостояние украинских националистов и советской власти в 1939–1941 гг.

Ничего существенного в этом разделе С. Кульчицкий не сказал, но и написанного в нем нельзя обойти молчанием. Упоминание о расколе в ОУН не столь важно для оценки ОУН-УПА, но важной является (неполная и беспорядочная) информация о депортации населения с территории Западной Украины в 1940 году. Эта депортация не имеет непосредственного отношения к проблеме ОУН-УПА. Советская власть депортировала в подавляющем большинстве поляков, среди которых (10 февраля 1940 года) было депортировано польское население, т. наз. «колонистов-осадников». Эта последняя информация важна потому, что в украинской националистической историографии многократно говорится о борьбе УПА против польских колонистов-

осадников, хотя с 1940 года их не было ни на Волыни, ни в Галичине, они в 1943–1944 годах рубили лес в Архангельской области. В апреле и июне 1940 года среди депортированных было около 95 % поляков (преимущественно интеллигенция), 3 % украинцев, 2 % евреев и белорусов.

II. 3. Ситуативный союз украинских националистов с гитлеровской Германией

Здесь С. Кульчицкий, вместо научного анализа отношений ОУН с Германией, даже в названии раздела преуменьшает значение фактов, когда пишет о «ситуативном» союзе, хотя отношения между ОУН и Германией опирались на идеологию и политику, а кроме того следует сказать, что это вообще не был «союз», так как участниками союза могут быть равные стороны. ОУН была на службе Германии, про «союз» в этом вопросе нечего говорить в научной литературе. Далее С. Кульчицкий рассматривает проблему уничтожения СССР (в глазах украинских националистов) как предпосылку возникновения независимой Украины, авторитетно утверждая, что *другого варианта они и вообразить себе не могли*. Откуда у него такое убеждение? А может они себе воображали, что в ходе войны они перебьют и советов, и немцев, а на руинах этих государств создадут «Велико-украинскую империю», которую придумал для них Д. Донцов? Из каких предпосылок С. Кульчицкий смог установить (установить, не предположить), что украинские националисты *другого варианта не могли себе вообразить*?

Про «восстание» в тылу Советской армии после нападения Германии говорить излишне — его не было, но были организованные националисты-бандеровцы, из которых Иван Климов-Легенда создал «боївки», а те стреляли в спину советским солдатам, а потом из них должна была быть образована «украинская армия», а на самом деле образовалась украинская милиция в службе Германии, в скором времени превращенная немцами в украинскую вспомогательную полицию. Почему-то С. Кульчицкий в этом разделе не сказал ничего ни о погромах еврейского населения на глазах этой милиции во Львове в первые дни июля 1941 года, ни о погромах в целой Галичине в том же июле 1941 года. ^[19]

Правду написал С. Кульчицкий о том, что *националисты установили свою власть в 187 районах западных областей Украины*, по поводу чего следует припомнить уже цитированный отрывок из статьи в бульбовській газете «Оборона Украины»: *Вспомните 1941 год, когда бандеровцы с высунутыми языками перлись на восток за немецким фронтом и провозглашали «бандеровскую самостийную»*.

Вместе с тем, неправду пишет С. Кульчицкий о том, что немецкая администрация *распустила украинскую милицию и все другие структуры, созданные националистами*. Фактически же немцы в июле 1941 года превратили украинскую милицию в украинскую вспомогательную полицию. Она же, созданная бандеровцами и преобразованная немцами, эта полиция, *пацифицировала*^[20] украинские села, примером чего может быть поголовное уничтожение жителей украинского села Кортелисы, о чем будет речь дальше.

II. 4. Судьба воинских формирований «Нахтигаль» и «Роланд»

В этом разделе С. Кульчицкий признает, что накануне нападения Германии на Советский Союз, в феврале 1941 года, была составлена устная договоренность между ген. Браухичем и адм. Канарисом с одной стороны, и Степаном Бандерой со второй *о военной подготовке 800 кандидатов на старшин*, то есть на «офицеров», но что думали немцы — *установить невозможно, но из последующего развития событий стало очевидным, что речь шла об обычном диверсионном отделе в составе абвера*. Неизвестно — то ли С. Кульчицкий держал за дурака С. Бандеру, то ли за таких держит адресатов «Отчета», так как он замолчал факт, что Бандера разговаривал с шефом Абвера, а этот факт неоспоримо и очевидно (так же как и для С. Бандеры) означал не создание «военной подготовки», а службу Германии в диверсионном гитлеровском формировании. Так оно и было, С. Кульчицкому не стоит вводить в заблуждение адресатов «Отчета». При этом С. Кульчицкий дальше сознательно вводит в заблуждение адресатов «Отчета», когда пишет, что задачей батальонов «Нахтигаль» и «Роланд» было *обеспечение безопасности передвижения немецких частей по Украине*, то есть будто бы они были вспомогательными частями войск Вермахта, такие себе охранники порядка. Не такими

были задачи Абвера, не такая задача формирования, в обязанности которого входили разведка, контрразведка, диверсия и саботаж. Что эти задачи означают, нет нужды здесь объяснять.

С. Кульчицкий пишет, что после провозглашения 30 июня 1941 года Ярославом Стецько «государственной независимости Украины», военнослужащие «Нахтигалья», которые в тот день вошли во Львов, *получили недельный отпуск и приказ передать все стратегические объекты города под охрану прибывшей немецкой полиции*. Какое же это командование дает целым своим подразделениям отпуск на десятый день от начала войны? Это утверждение С. Кульчицкого является дезинформацией, цель которой — оправдание «нахтигальцев», которые в первые дни июля 1941 года были свидетелями погрома евреев во Львове и ничего не сделали, чтобы его прекратить. Не случайным является также лживое утверждение С. Кульчицкого о том, что в июле Р. Шухевич сообщил командованию Вермахта об отказе состава батальона «Нахтигаль» и далее служить немцам, и что вследствие этого немцы разоружили этот батальон. Есть же описания военных этого батальона, которые противоречат такому утверждению, но нет документов о разоружении. Правдой является только то, что немцы, вследствие отказа ОУН Бандеры отозвать «Акт 30 июня», решили оттянуть этот батальон из Украины, сделать ему передислокацию и послать в другой район военных действий — в Белоруссию, уже как полицейский батальон. Негоже научным работникам, научному учреждению, в документе (так как «Отчет» является документом для Правительства Украины) вводить его адресата в заблуждение. Неправдой является также то, что батальон переведен в Краков, его разместили в Нижней Силезии для полицейского переобучения.^[21] Неправдой является также утверждение, что «Нахтигаль» и «Роланд» были интернированы, это — из средств пропаганды ОУН Бандеры. Грязным враньем (этого иначе нельзя назвать) является утверждение С. Кульчицкого, что в конце 1942 года всех бывших военнослужащих «Нахтигалья» и «Роланда», а потом уже полицейского 201 батальона Шуцманшафтен, немцы арестовали. Все они возвратились в свои дома в Галичине, чтобы в первые месяцы 1943 года перейти в распоряжение М. Лебеда для образования на Волыни Украинской Освободительной

Армии (УВА) — так вначале назывались вооруженные формирования ОУН Бандеры на Волыни.

Исключительно пропагандистским, не имеющим ничего общего с наукой, и одновременно с этим пронизанным бандеровским стилем, является следующее утверждение С. Кульчицкого: *Оуновцы (участники бывших «Нахтигалья» и «Роланда», уже в качестве полицейского батальона — В.П.) мечтали о национальной армии, а пришлось сначала охранять мосты в партизанском крае, а потом сидеть в тюрьме.* Проводил ли проф. С. Кульчицкий исследования мечтаний оуновцев? А как происходила «охрана мостов» и борьба с партизанами, объясняет упомянутая уже О. Азаренко: *... было известно, что придут на борьбу с партизанами и подразделения ОУН. Числа 28–29 июня прибыло их 24 машины — вооруженных до зубов головорезов, с овчарками, по две собаки в машине. В черной форме... сначала подожгли на окраине села дома, потом «началось»!.. Они, оуновцы, чтобы далеко было видно их «работу», сжигали села и живьем семьи в хатах наших, деревянных, свирепствовали и убивали больше, чем немцы... совершали надругательства над беззащитными женщинами по-зверски.*^[22] С. Кульчицкого такие описания «охраны мостов» не интересуют, его задачей является оправдание оуновцев.

Неверно С. Кульчицкий раскрывает и дело убийства немцами польских (почему-то он говорит и о еврейских научных работниках, хотя в историографии такой след не существует) научных работников во Львове в июле 1941 года. Достаточно только указать на неоспоримое: польских научных работников с семьями, по подготовленным оуновцами на Западе (во Франции) спискам, немцы, при соучастии украинских военнослужащих, вытаскивали из домов на расстрел. Нет доказательств непосредственного участия «нахтигалецев» в этих расстрелах, но есть доказательства соучастия в этом преступлении в виде вытаскивания из домов на расстрел.^[23] Но и подготовка списков на расстрел есть также соучастие в преступлении.

II. 5. Планы А. Гитлера относительно Украины и ОУН

Обе ОУН — Мельника и Бандеры, присоединились к нападению Германии на Советский Союз, обе они стремились создать хотя бы

«эрзац» украинского государства и в этом рассчитывали на Германию, которая позволила словакам и хорватам сформировать сателлитные по отношению к Германии квазигосударства. С. Кульчицкий соглашается с таким положением ОУН. Для этого он пользуется мельниковской и бандеровской литературой, меморандумами обеих фракций ОУН к Гитлеру, в которых они предлагали свои услуги с «требованием» иметь в виду цель ОУН — создание «украинского государства».

Такой, некритически принятый С. Кульчицким, подход обеих ОУН к «построению государства», не наткнулся с его стороны в «Отчете» с короткой, убедительной критикой: планы Германии относительно Украины были известны со времен появления «Майн Кампф» Адольфа Гитлера, то есть с 1926 года, они никогда не изменялись, а их стратегической целью была экспансия в восточное направление, *Lebensraum* — «жизненное пространство» для немцев. Стратегия экспансии гитлеровской Германии была направлена исключительно на восток, она была сформулирована в лозунге «*Drang nach Osten!*», то есть «поход на восток», а не на юг или запад, в этой стратегии тиссовская Словакия или усташевская Хорватия были периферией гитлеровской политики. Это было определено Гитлером однозначно. Имея в виду «тесноту» немецкого народа на территории Райха, Гитлер писал: *Является фактом, что эту проблему не решит приобретение колоний. Скорей надо стремиться к получению территорий для проживания, которые не только будут удерживать новых поселенцев в крепком единстве со страной, но и будут составлять с ней единое целое... Сдерживаем германское движение на юг и запад Европы и обращаем наш взор в восточном направлении... переходим к политике территориального строительства. Сама судьба указывает нам это направление*».^[24]

Только невежды, люди неграмотные, могли не знать — что означают эти планы. Тем более, что первым этапом гитлеровского *Lebensraum*^[25] была агрессия Германии на Польшу 1939 года. Понятно, что следующим этапом должна была быть агрессия, в первую очередь, на Украину, на ее плодородные земли, а так как Украина была в составе СССР, то дошло до агрессии Германии на Советский Союз. Повторим здесь: Германия начала войну за получение «жизненного пространства» для немцев, в планах Германии не было, не могло быть места ни для «суверенного», ни для другого,

даже марионеточного, украинского государства. Если этого не понимали мельниковцы и бандеровцы, то тем хуже для них. Они стали помощниками тех, кто стремился к физическому (не говоря про политическое) порабощению украинского народа, к его уничтожению, чтобы его место могли занять немцы, которым тесно было в их «фатерланде». Неужели Бандера и Мельник не понимали, что гитлеровский фашизм не был самоцелью, что он внутри государства сводился к тоталитарному государственному устройству, а снаружи стремился к захвату плодородных территорий восточнее от Германии, а не гористых территорий Словакии и Хорватии, везде насаждая новый порядок?

С этой, и только с этой точки зрения следует рассматривать участие фракций ОУН и их вооруженных формирований в агрессии Германии на СССР, прежде всего — на Украину. Рассмотрение «рабочей группой историков» событий в другом аспекте, это сознательное искажение истории. Вину за это несет в первую очередь С. Кульчицкий — недавний фальсификатор истории в советской системе. Так это была тоталитарная система.

В войне Германии против Польши, против Европы, против Советского Союза ОУН (обе ее фракции) как последователи фашистской идеи принимали участие, в первую очередь, не как украинцы, а как те, кто вводил новый порядок в подчиненных странах. Ведь не случайно в «Акте 30 июня 1941 года» ОУН Бандеры задекларировано: *«3. Новообразованное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под управлением своего Вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире»* и т. п.^[26] (подчеркивания — В.П.) Не случайно также первый заместитель С. Бандеры, Ярослав Стецько, написал в то же самое время в своей биографии: *... стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию.*^[27] А «министр иностранных дел» Бандеры в «Меморандуме» к Правительству Германии, Владимир Стахив (брат Евгена Стахова, который принимал участие в работе «рабочей группы историков», а также в семинарах польских и украинских историков), писал: *Германия не ищет на Востоке только экономического пространства, но «нового порядка в Европе». Такой порядок в Европе*

— *немыслим без независимого Украинского Государства....*^[28]
Анализировал ли С. Кульчицкий этот документ с точки зрения: какое Украинское Государство имела в виду ОУН Бандеры? Ясное дело, что только государство фашистского типа с новым, фашистским порядком в нем. И дальше: считает ли С. Кульчицкий такое государство формой освобождения украинского народа или же его порабощения? Напомним, что первыми узниками гитлеровских концлагерей были немцы. С. Кульчицкий должен же знать выражение Бандеры из межвоенного периода: *наша власть будет страшная!*

Дальше такую вот бессмыслицу пишет С. Кульчицкий:... *проводники ОУН накануне немецкого вторжения знали в общих чертах планы деления Советского Союза. Не знали они другого: после первых больших успехов в войне Гитлер решил немедленно начать реализацию своих маячных замыслов о создании Великогермании, то есть о присоединение к Германии всех территорий между ее восточной границей и побережьем Черного моря. Великогермания> в таких границах уже покрывала собою всю Украину.*^[29] Упрек «бессмыслицы» касается того, что, будто, проводники ОУН не знали о таких планах Гитлера. С. Кульчицкий пишет, что украинские националисты не знали к каким границам должна была дойти создаваемая Гитлером Великогермания. Если бы это было правдой, это означало бы, что мельниковцы и бандеровцы интеллектуально должны были бы быть к тому времени на уровне дошкольников. Поэтому следует припомнить, что «Майн Кампф» Гитлера был опубликован к времени взрыва Второй мировой войны тиражом в нескольких миллионах экземпляров.

Беспредметными есть ссылки С. Кульчицкого на высказывания А. Розенберга: Германия была сугубо тоталитарным государством, в ней не было важное то, что думает и говорит А. Розенберг, а то только, что прикажет вождь — А. Гитлер, а свое слово он сказал еще до прихода к власти. С. Кульчицкий не делает выводов из сказанного ним самим: в случае победы Гитлера предусмотрено было уничтожить почти всех поляков, 75 % белорусов, 65 % украинцев Галиции и... всех украинцев восточнее от Збруча.

Мудрствования (иначе это довольно назвать) С. Кульчицкого относительно отношения ОУН к Объединенным Нациям, то есть к антигитлеровской коалиции, не выдерживают ни одного оправдания:

ОУН Мельника все время, от возникновения ОУН к поражению Германии, была на стороне немцев, ОУН Бандеры вместе с тем содействовала с ними с небольшим перерывом — от апреля 1943 года (переход политически подчиненной ОУН Бандеры украинской вспомогательной полиции «в лес») и до декабря того же 1943 года, когда ОУН-УПА восстановила содействие с Вермахтом.

В этом разделе С. Кульчицкий формулирует талмудическое утверждение, за которым: *Украинские националисты вели свою войну с компартийно-советским режимом. Эта их война не имела никакого отношения к Второй мировой.* Это что же, Советский Союз, как государство, не был членом антигитлеровской коалиции? Бессмыслица!

II. 6. Акт 30 июня 1941 г.

В этом разделе С. Кульчицкий написал правду: *30 июня 1941 года во Львове ОУН(Б) провозгласила Акт возобновления Украинского государства*, но из этого факта он не делает никаких, не только научных, выводов. Большим интеллектом в этом вопросе отметился Тарас Бульба-Боровец, который не кончал никаких высоких школ, он сказал по адресу ОУН Бандеры: *Вы узурпируете право на суверенную всеукраинскую государственную власть, к которой, как одна из многих политических группировок, не имеете ни малейших оснований.*

[30] В документе, который должен был бы быть научным выводом для правительства Украины, следовало б С. Кульчицкому сделать научный анализ с целью ответить на вопрос: одна партия (фактически одна из фракций движения), которая не представляла даже 0,1 % (одной десятой процента) народа, имеет ли конституционное право на провозглашение государства? Он этого не делает, потому что логичный, научный вывод противоречил бы исполнению поставленного бандеровцами задания: оправдать все их действия.

Сразу после этого С. Кульчицкий дал доказательство незнания элементарных фактов, написав, что после провозглашения Акта 30 июня 3 июля С. Бандеру вызвали в Краков и объяснили ему, что *украинских союзников у Германии не существует.* С. Бандера после нападения Германии на Советский Союз не оставил Краков, ему это не позволили немцы, так как же они «вызвали» его в Краков и откуда?

Далее С. Кульчицкий продолжает писать глупости, например: *Неясно как С. Бандера планировал сохранить независимость в условиях немецкой оккупации, но не в том суть.* Тогда в чем суть? В необоснованном донцовском «хотении», в донцовской «воле» Бандеры суть проблемы?

С. Кульчицкий пишет дальше: *Допустим, что...* В анализе тяжелых в последствия события нет места для научных «предположений», тем более, что С. Кульчицкий далее необоснованно говорит, что ОУН нельзя *обвинять в коллаборационизме.* Можно и так написать, но это не будет вывод из научного анализа, это будет голое, ничем не прикрытое оправдание ОУН Бандеры.

С. Кульчицкий имеет основания говорить, что *если нет одной из сторон, то нет и коллаборационизма.* Действительно, потому что коллаборационировать могут лишь более или менее равнозначные субъекты. С. Кульчицкий не идет за этим утверждением дальше, хотя логично было бы ожидать от него, от «рабочей группы историков», продолжения мысли: если не было между ОУН (обеими фракциями) и Германией коллаборационизма, то что было? Вакуума не было. Было только выслуживание обеих фракций перед Германией, его формы были разные в разные периоды, но все они сводились к одному: служению Германии.

Помянутое С. Кульчицким в этом контексте геополитическое понятие «Великой Германии» лидерам ОУН не могло быть непонятным, а если оно было им понятным, то служба ОУН гитлеровской Германии означала предательство интересов украинского народа, а из этого факта С. Кульчицкий должен был бы сделать вывод в виде констатации, согласно которой обе фракции ОУН и их вооруженные формирования должны быть осуждены Верховной Радой Украины и Президентом Украины, как преступные формирования, как формирования, которые допустили ряд криминальных и политических преступлений, в том числе и преступления народовубийства (genocide).

На фоне цитаты из «Акта 30 июня 1941 года», по которой *Возобновленное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством Вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает Украинскому Народу освободиться из московской оккупации,* проф. С.Кульчицкий с «рабочей группой

исориков» должен был, повторим это, проанализировать возможность победы Гитлера во Второй мировой войне и предвиденное научно положение украинского народа после такой победы — что случилось бы с ним, с его жителями, культурой, историей, государством.

С. Кульчицкий сам себе противоречит: в предыдущем разделе он говорит, что массовые аресты бандеровцев имели место сразу после отказа ОУН Бандеры отозвать «Акт 30 июня», и что они перешли на противонемецкие позиции, а в этом разделе пишет, что *в этот же день* (15 сентября 1941 года — В.П.) *все полицейские органы рейха (полиция безопасности, СД, гестапо, таяная полевая полиция, абвер) провели массовые аресты членов ОУН(Б) на оккупированной территории Украины и в других странах. Лидеры ОУН оказались сначала в тюрьме, а потом в концлагере Заксенхаузен.* Только частично это утверждение отвечает действительности — до времени создания «Рейхскомиссариата Украины», то есть до сентября 1941 года (почему-то С. Кульчицкий не вспоминает про присоединение Галичины к Генеральному Губернаторству, что означало признание Германией этого региона как польского, он не вспоминает также о создании немцами так называемой «Транснистрии» в пользу Румынии — союзницы Германии) бандеровцы с Миколою Лебедем во главе, «создавали» свою власть: насаживали своих старост в селах, в сельсоветах и районах, создавали украинскую националистическую администрацию, организовывали возношение могил-курганов, имели свою прессу и так далее. Значит неправдивым есть утверждение о том, что сразу после отказа отозвать «Акт 30 июня», ОУН Бандеры перешла на противонемецкие позиции.

Неправильным является также утверждение, что после этого *лидеры ОУН оказались сначала в тюрьме, а потом в концлагере Заксенхаузен.* В июле 1941 года Степан Бандера и Ярослав Стецько были перевезены в Берлин и там они жили в особняке, имея только ограниченную свободу — они не могли покидать пределы Берлина. Об этом С. Кульчицкий должен был бы знать из книги Евгена Стахова «Сквозь тюрьмы...», в которой он описывает встречу с упомянутыми выше Бандерой и Стецьком осенью того же 1941 года, и как выглядел их «арест». С. Кульчицкий повторяет за украинской националистической энциклопедией о тюрьмах Бандеры, Заксенхаузене и т. д. Он должен знать (и написать) что на территории

концлагеря Заксенхаузен под Берлином было создано место изолирования, даже не тюрьма — отгороженный от лагеря участок, на котором немцы в 1944 году поселили своих политических противников (в том числе и польских), которых при случае можно было бы использовать в связи с созданной ситуацией, которая была предвестником краха Германии. В той якобы тюрьме, ее якобы узники, имели возможность объясняться друг с другом, разговаривать, они не имели обязанности работать, не было для них «аппеля», их питание не было рассчитано на голод. Разве этого С. Кульчицкий не знает? Он должен об этом знать, но замалчивает эти факты, рисуя Бандеру и других, как узников концлагеря, то есть мучеников гитлеровского режима, хотя они таковыми никогда не являлись. С ними ведь, освобожденными под конец 1944 года, немцы в марте 1945 года вели разговоры о создании «Украинского Национального Комитета», который якобы (в мельниковской пропаганде) создал «Украинскую Национальную Армию» (УНА), а ее первой дивизией якобы была дивизия СС-Галичина.

II. 7. Переход украинских националистов на антинемецкие позиции

Даже в заголовке этого раздела С. Кульчицкий подтверждает свои симпатии к ОУН Бандеры, пренебрегая ОУН Мельника, он ведь не может не знать, что последняя все время, от восстания ОУН и до 9 мая 1945 года, непрерывно прислуживала Германии. Разговор о переходе на «антинемецкие позиции» может касаться только ОУН Бандеры, которая после приказа отозвать «Акт 30 июля» якобы «погневалась» на немцев. Якобы, потому что на практике бандеровцы далее действовали в пользу Германии, вспомнить бы С. Кульчицкому хотя бы только сказанное Т. Бульбой-Боровцем о первых днях агрессии на Советский Союз.

Посмотрим на эту проблему с точки зрения фактов.

1) Батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», превращенные в 201 полицейский батальон, были политически подчинены ОУН Бандеры, они, с согласия ОУН Бандеры, были в распоряжении немцев до конца 1942 года. Так что по крайней мере до этого времени, до декабря 1942 года ОУН Бандеры сотрудничала с Германией.

2) Украинская вспомогательная полиция с уведомления и по позволению ОУН Бандеры служащая немцам, по ее приказу, в марте-апреле 1943 года оставила службу немцам и перешла «в лес», в создаваемую УПА. Это значит, что ОУН Бандеры до апреля 1943 года сотрудничала с Германией.

Еще в октябре 1942 года ОУН Бандеры в документе «Партизанское движение и наше отношение к нему»,^[31] после анализа ситуации, было сказано: *Принимая во внимание изложенные выше моменты, наше отношение к партизанскому движению враждебное.* Что именно сказанное, как и факты служения немцам до апреля 1943 года, означает с научной точки зрения? Оно означает, что а); до апреля 1943 года ОУН Бандеры сотрудничала с Германией; б) по крайней мере до октября 1942 года ОУН Бандеры занимала нейтральные позиции в отношении к немецкой оккупации Украины, эту позицию даже сам С. Кульчицкий называет «выжидательной».

На театре войны произошли независимые от ОУН события, которые вынудили ОУН Бандеры к перемене прежних, то есть «выжидательных» до октября 1942 года, позиций. На восточном фронте немцы испытали поражение под Сталинградом, все свидетельствовало о том, что Германия потерпит поражение в этой войне. В лесах Волыни и Полесья эффективно действовало советское партизанско движение. Об этой атмосфере накануне перемены позиций ОУН Бандеры, пишет признанный ее деятель, шеф «Службы безопасности», Василь Макар в письме к своему брату Владимиру: *Повстанческую акцию в северо-западных и частично восточных регионах нам пришлось начать, и это не было слишком рано, как кто-то говорит, а слишком поздно. Пришлось это сделать по двум причинам. Первая: территория вырывалась из рук. С одной стороны — начались множиться атаманчики, вроде Бульбы-Боровца, а, с другой стороны, — красное партизанское движение начало овладевать территорией. То есть, если б мы не начали повстанческой акции, то нам нечего было б делать.*

В таких условиях ОУН Бандеры пришла к выводу о необходимости создания своих вооруженных сил, о чем решение было принято в конце февраля 1943 года на III-ей Конференции ОУН Бандеры.^[32]

С. Кульчицкий пишет, что Руководство ОУН Бандеры *очутилось перед необходимостью борьбы на два фронта*, то есть против советских партизан и немецких вооруженных сил. Чтоб не возвращаться к этой проблеме, о которой и дальше говорит С. Кульчицкий, надо сказать следующее: утверждение о «двухфронтной борьбе» следует считать нелогичным, так как борьба силами ОУН-УПА с советским партизанским движением означала бы помощь немцам, и наоборот — борьба с немецкими силами была бы равнозначна помощи советскому партизанскому движению. А чтоб взяться за одновременную борьбу с советским партизанским движением и немецкими силами, надо было бы располагать силами, которые по крайней мере были бы равны сумме обоих этих сил, а таких в ОУН Бандеры не было даже и во сне.

Тут следует сказать о формах борьбы ОУН-УПА с вышеназванными силами: ОУН-УПА никогда не проводила вооруженных акций с целью уничтожения сил советского партизанского движения или немецких сил, потому что, во-первых, у нее не было на это сил, а во-вторых, как уже сказано, у ОУН-УПА не было интереса помогать таким образом ни немцам, ни советскому партизанскому движению. Сказанное не означает, что не было стычек между силами ОУН-УПА и немцами или советскими партизанами, но они имели характер или неожиданного, чаще всего из засады, нападения на небольшие силы с целью добыть оружие, или это были оборонные стычки. Так тоже было в ходе очищения силами фон дем Бах-Зелевского Волыни от сил ОУН-УПА летом 1943 года, последние только защищались. Сказанное утверждает важный участник событий, шеф штаба УПА, М. Омелюсик, [\[33\]](#) однако не обращая внимание на это, пропаганда ОУН Бандеры обо всех этих событиях пишет, что «ОУН-УПА воевала».

Почему, появляется вопрос, немцы боролись с УПА? Потому, что ОУН-УПА мешала немцам в проведении сбора контингентов и набора молодежи на работу в Германию.

О другой деятельности ОУН-УПА будет рассказано дальше.

Раз говорится об УПА, то надо сказать, что это название УПА ОУН Бандеры присвоила себе обманым способом от УПА Т.Бульбы-Боровца.

С. Кульчицкий обходит молчанием проблему создания бандеровской УПА, а это проблема чрезвычайно важная, почти основная. Дело в том, что ОУН Бандеры, зная о настроениях волынян, заранее знала, что добровольцев в свои вооруженные силы она на Волыни не найдет, поэтому создавала свои боевые единицы путем неправовой «мобилизации» волынских селян. Бандеровский источник говорит, что в мае 1943 года *говоря вообще принудительной мобилизации в ряды УПА еще не применялось в больших размерах, но около 50 % нынешнего состава УПА, это те, кто в ее ряды вступил по приказу украинской власти.*^[34] Есть основания утверждать, что на конец 1944 года на Волыни УПА состояла не менее чем из 90 % террором принужденных в ней служить. Это значит, что УПА не была добровольческим формированием, то есть и не была повстанческим движением, потому что все повстанческие движения всех времен и всех мест на земном шаре складывались исключительно из добровольцев. Этот важный факт, который квалифицирует ОУН-УПА, не хочет видеть С. Кульчицкий.

II. 8. О времени создания УПА

С. Кульчицкий делает ударение на вооруженной эпизодической деятельности Сергея Качиньского (сына православного попа с Волыни) и Грыця Перегиняка (односельчанина Степана Бандеры) на Волыни в конце 1942 года, хотя она не следовала из положений ОУН Бандеры, то есть нет смысла о ней говорить.

Нечего С. Кульчицкому писать о том, что бандеровская УПА *начала создаваться*, а процесс создания закончился весной 1943 года. Бандеровская УПА не «создавалась», ее создавала ОУН Бандеры. О «мобилизации»^[35] уже говорилось. Высшие командные посты в УПА были созданы ОУН Бандеры из бывших бойцов «Нахтигалья» и «Роланда», а средний состав — из бывших членов украинской вспомогательной полиции. Главные кадры бандеровской УПА сложились из галичан, они тоже создали оуновскую бандеровскую сеть и костяк «Службы безопасности». В состав этой УПА бандеровцы вооруженной силой включили большинство участников УПА Тараса Бульбы-Боровца и отделы ОУН Мельника.

Бандеровская УПА была создана весной 1943 года.

II. 9. Противонемецкие вооруженные акции УПА

В этом разделе С. Кульчицкий пишет о том, что УПА опиралась на народную поддержку, то есть якобы на поддержку украинских селян Волыни. Это так в бандеровских книжках пишется, а действительность далека от этого. Украинские селяне не могли добровольно поддерживать силу (ОУН Бандеры), которая насильно забирала от них (кроме немецких контингентов) не только зерно, но и скот (за исключением одной коровы), свиней (за исключением поросят), одежду — кожухи, жупаны, штаны, белье и т. д., а кроме того гнала людей на «шарварки»-повинности; которая силой и террором забирала в УПА не только мужчин и юношей, но и девушек. Тут кое-что интересное: ни один из источников не вспоминает о «полевых женах» командиров ОУН-УПА, которых они себе подбирали в украинских селах, об этом сказал автору этой критики бывший «политвоспитатель» в УПА, после войны житель Торонто, Александр Степанюк, в десятичасовом интервью.^[36] Следует не знать психику украинского (и не только украинского) селянина-труженника, который тяжелым трудом добывал приобретенное им, чтоб говорить о поддержке политической силы, которой была ОУН Бандеры.

В контексте «Отчета» на полях скажем, что организатор бандеровской УПА, Микола Лебедь, в послевоенные годы был на службе у спецслужб США, именно поэтому, наверное, украинская националистическая историография (за ней также польская) пытается уменьшить его роль в организации преступлений ОУН-УПА, потому что как же — чиновник США был организатором народовубийства?. Вот почему без доказательств они, в том числе С. Кульчицкий, говорят о том, что якобы Микола Лебедь в мае 1943 года отказался от руководства ОУН, а на его место пришел Роман Шухевич, а он не имеет отношения к США, он погиб в 1953 году.

Стыдно читать строчки, написанные С. Кульчицким, согласно которым на время создания бандеровской УПА *эмигрантское польское правительство начало создавать в Западной Украине и Западной Белоруссии вооруженные структуры, чтоб после поражения Германии собственными силами восстановить территориальную целостность довоенной Польши*. Чем он это утверждение подкрепляет — непонятно, но оно не соответствует фактам. Кроме этого

С. Кульчицкий говорит о «Западной Украине», хотя в условиях, которые на тот момент сложились, ему следовало бы говорить только о Волыни, которая входила в состав «Рейхскомиссариата Украина», а Галичина была присоединена к Генеральному Губернаторству. На этих, разных с точки зрения введенных Германией порядков, территориях, сложились разные условия. Раз речь идет о начале УПА, то следует ограничиться Волынью. В то время, правда, в Галичине были уже структуры польской Армии Крайовой, но их не было ни на Волыни, ни в Белоруссии.

Скажем прямо: С. Кульчицкий бессовестно повторяет за бандеровской литературой то, что не имело места в отношении Волыни. Научный анализ ситуации польского населения Волыни того времени не позволяет сочетать его с польским правительством в Лондоне, это население оказалось между немцами и бандеровцами, оно вследствие большевистских арестов и депортаций было лишено интеллигенции и более богатого слоя населения (польские осадники-колониисты были депортированы в феврале 1940 года) — это население было полностью беззащитным. Небольшие остатки более активного польского элемента (по несколько единиц, несколько десятков в районах), самостоятельно создали зародыши невооруженной конспирации, которые начали пополняться вследствие уничтожения польского населения бандеровцами. До конца 1943 года на Волыни не существовали структуры польской Армии Крайовой.

Вследствие ситуации, которая сложилась, часть польского мужского населения присоединилась к советскому партизанскому движению, с чего нельзя делать вывод, что они были коммунистами. На то время Советский Союз входил в состав антигитлеровской коалиции, из-за этого он, как союзник Великобритании, стал союзником Польши. Полякам Волыни на то время было не до послевоенных границ Польши, их угнетали немцы и вырезали бандеровцы. Историкам следует прибегать к научному анализу, а не повторению пропагандистских бандеровских лозунгов.

С написанного С. Кульчицким о том, что УПА не была регулярной повстанческой армией, что ее состав насчитывал во время апогея не более 30 000 «бойцов» (большинство которых были «мобилизованы»), он не делает вывода. Он, если б имел в намерении интерес украинского народа, а не бандеровский, то должен был бы сказать, что

формирование УПА, принимая факт флуктуации и ней, численностью составляла не более 1/3 % (одной трети процента) украинского народа на Украине 1943 года, а значит — можно ли это формирование квалифицировать как народно-освободительное, как это делает С. Кульчицкий?

Посмотрим на метод манипуляции фактами С. Кульчицким. Он пишет: *В мае 1943 г. к руководству главным органом ОУН(б) пришел Роман Шухевич, а бандеровский источник, которым является «Энциклопедия ОУН-УПА»,^[37] утверждает, что Роман Шухевич: с весны 1943 г. — член Руководства ОУН, воен. референт, в августе на III-м НВЗ ОУН выбранный главой бюро Руководства ОУН.* Только неграмотный может не видеть разницы в этих предложениях, а таким оказался С. Кульчицкий, также украинские националистические, а за ними, как за мамочкой, польские современные историки. Надо также сказать: то, что делает профессор Кульчицкий, не наука, это сознательное введение в заблуждение украинской государственной структуры наивысшего уровня. Это ОУН Бандеры нужно для отбеливания М. Лебеда, который, повторим, после войны в течение десятилетий был чиновником спецслужб США. Это он до конца августа 1943 года был руководителем ОУН Бандеры. В августе этого ж года, уже не только после Сталинграда, но и после Курской дуги, III НВЗ ОУН поручил М. Лебедю самый главный на то время «ресорт» — иностранные дела, так как у М. Лебеда был опыт общения с западными партнерами: уже тогда ОУН Бандеры решил искать контакты с западными союзниками антигитлеровской коалиции. Нужно, значит, сказать, что С. Кульчицкому не место в Национальной академии наук, его бандеровцы должны устроить в бандеровском Украинском Свободном Университете в Мюнхене.

Повторим — на Волыни до конца 1943 года не существовали структуры польской Армии Крайовой, в десятках тысяч известных архивных документов, в том числе и авторства ОУН-УПА, не вспоминается такое формирование. Оно существовало в Генеральном Губернаторстве, но не на Волыни, которая была отделена от Г.Г, в том числе и от Галичины, аналогичной к межгосударственной границей. А тем временем С. Кульчицкий в волынском контексте говорит о польской Армии Крайовой в 1942 году. Это даже не манипуляция фактами, это прямая фальшь.

С. Кульчицкий пытается обвинить советскую партизанщину в том, что она устраивала диверсии с целью ослабить немецкие силы и из-за этого немцы осуществляли акции возмездия против украинского населения — сжигали села и уничтожали их жителей. Невзирая на тот факт, что в современных войнах как правило получает ущерб и гражданское население, С. Кульчицкий не осмелился сказать, что в таких «акциях возмездия» принимала участие и бандеровская вспомогательная полиция, ярким примером чего было уничтожение украинского села Кортелисы, в котором 23 сентября 1942 года в процессе «пацификации» зверски убитых и сожженных было 2875 человек, в том числе 1620 детей. Косвенно этот факт признал бандеровский источник, написав, что *немецкие полицейские бандиты принуждали украинских милиционеров расстреливать совершенно невиновных украинских селян — село Кортелисы...*^[38] Существуют доказательства участия в этом уничтожении украинских селян украинской вспомогательной (бандеровской) полицией, известны их фамилии.^[39]

Правдой является то, что, как пишет С. Кульчицкий, летом 1943 г. в генеральном комиссариате «Волынь-Подолье» немцы провели против повстанцев (против УПА — В.П.) масштабные операции с использованием танков и самолетов. Оборонные действия УПА в то время и были «борьбой» ОУН-УПА не против немцев, а от немцев, они, немцы, умирляли как советских партизанов, так и УПА, потому что они дезорганизовывали эксплуатацию людских и материальных ресурсов Волыни немцами. Об этом можно узнать из разговора комиссара Волыни и Подолья Шоене (Sch?ne) с епископом Поликарпом с мая 1943 года.^[40] В этом случае нужно обратить внимание на такие факты: С. Кульчицкий игнорирует существование таких документов, а в приведенном тут документе комиссар Шоене говорит, что по немецким данным на то время (28 мая 1943 годв) *убито поляков около 15 тысяч! Колония Янова Долина не существует.* Эти и подобные данные С. Кульчицкий не принимает во внимание, будто они не существуют.

В этом разделе затрагивается проблема сотрудничества ОУН-УПА с немцами. С. Кульчицкий приуменьшает значение этого факта, написав, что переговоры с немцами (которые от имени ОУН Бандеры с гитлеровской Службой безопасности вел грекокатолический

священник, член Руководства ОУН, о. Иван Гринех, выступающий как «Гарасимовский»), *имели характер выявления намерений и закончились безрезультатно*. Не знает, или не хочет знать С. Кульчицкий таких архивных документов, как ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, спр. 33, л. 124, в котором шифром описано договоренность между немцами и ОУН-УПА? Доказательств на сотрудничество ОУН-УПА с немцами от декабря 1943 года начиная, в архивах есть предостаточно, эти факты неопровержимы и не нужно «ведущему историку» С. Кульчицкому приуменьшать проблему, написав, что переговоры *имели характер обнаружения намерений и закончились безрезультатно*. В конце концов в другом разделе (в 12-м) сам С. Кульчицкий пишет, что *в этих условиях отделы ОУН-УПА и боевики ОУН(б) активизировали контакты с подразделениями вермахта. Как и раньше, военное снаряжение и оружие обменивались на разведовательные данные. Но в обмене случились качественные изменения. Когда УПА пребывала в их тылу, немцы поставляли вооружение в ограниченных количествах. Когда УПА оказалась в советском тылу, немцы проявили готовность давать оружие в каком-нибудь количестве и даже без компенсации. Были налаженные воздушные мосты, которыми самолеты Люфтваффе перебрасывали украинским повстанцам военное снаряжение и оружие*.

II. 10. Отношение ОУН(б) к дивизии СС «Галичина»

С. Кульчицкий пишет о «военнослужащих УПА» и боевиках ОУН, которые служили в той дивизии, причем пытается оправдать ОУН Бандеры с целью, чтоб *не обременять ветеранов УПА эсесовским прошлым*. Правда то, что не ОУН Бандеры организовала дивизию СС Галичина, но правдой есть и то, что ОУН Бандеры планомерно посылала в ее ряды своих членов, чтоб они становились в ней эсесовцами-солдатами и офицерами. Пусть бы С. Кульчицкий в соответствии с фактами написал — почему ОУН Бандеры в столь большом количестве посылала кадры в эту дивизию, об этом он мог бы узнать со страниц «Вестей комбатанта» и редакционных статей его главного редактора Мирослава Малецкого, бандеровца и одновременно офицера в дивизии СС-Галичина. Стоило б С. Кульчицкому вспомнить и о том, что в июле 1944 года под Бродами

имели место совместные действия между украинскими эсесовцами и ОУН-УПА, в ряды которой после поражения дивизии перешло много эсесовцев, о совместном уничтожении полицейским полком дивизии СС-Галичина и отделом УПА польского села Гута Пеняцка за то, что в нем некоторое время пребывали советские партизаны, о передаче немцам оружия для УПА после совместной акции на местность Подкаминь.^[41]

С. Кульчицкий пишет неправду, что поляки на Волыни были немцами поставлены в привелигерованное положение. Разве поляки во время оккупации имели хоть одну польскую газету? Или ими создавалось местное, на уровне сел, сельсоветов и районов, управления? Нет, украинские газеты на Волыни (как и в городах на восток от Збруча) сразу после вторжения немцев в Украину выпускали бандеровцы, а с осени 1941 года мельниковцы, а поляки — нет, их же не было в самоуправлениях, зато были в них украинские националисты. Как они вели себя на Волыни, С. Кульчицкий мог бы узнать из возношения могил-курганов, организованного бандеровцами, а в то время польское население сидело, как мышь под веником.

При этом С. Кульчицкий вспоминает соорганизатора дивизии СС-Галичина, др. Владимира Кубийовича — главу (он себя называл «руководителем») Украинского центрального комитета (УЦК) в Генеральном Губернаторстве, но замалчивает факт, что этот Комитет вместе с местными Украинскими вспомогательными комитетами (Українськими допомоговими комітетами — УДК) были на службе у гитлеровцев, помогали им усмирять население. УЦК финансировался из кассы Абвера, об этом писал тот самый В. Кубийович, а что означает такое финансирование^[42] — не надо доказывать.

При всем этом С. Кульчицкий пытается оправдать организаторов и добровольцев дивизии СС-Галичина, написав, что агитаторы дивизии убеждали, что аббревиатура «СС» означает «Сичевые стрельцы». Пусть бы С. Кульчицкий заглянул в поминаемый в ссылках труд «Доказательства преступлений ОУН и УПА», в котором опубликовано много снимков, которые однозначно доказывают, что никто не мог ошибаться насчет аббревиатуры «СС».

С. Кульчицкий пытается доказать, что дивизия СС-Галичина была некой «этнической дивизией», а не именно эсесовской дивизией, потому что она была «Waffen-SS», будто он не знает, что эта дивизия

(СС-Галичина) имела номер 14, а перед ней, тоже «Waffen-SS», подобные дивизии имели, например, названия: первая — *SS-Panzer-Division Leibstandarte SS Adolf Hitler...*, за номером 12 — *SS-Panzer Division Hitlerjugend*. Такими, а не другими были дивизии «Ваффен-СС». Или об этом не знает С. Кульчицкий?

II. 11. Украинско-польское противостояние

Уже в первом предложении С. Кульчицкий повторяет бандеровскую пропаганду, написав, что *наиболее трагической страницей в этих отношениях является вооруженное противостояние украинского и польского подпольно-партизанских формирований — УПА и Армии Крайовой*. Уже было сказано тут — на Волыни польская Армия Крайова (АК) была сформирована в конце 1943 года, в декабре того года, а массовая резня (это название — из донесений советских партизан) польского населения на Волыни в основном имело место от апреля до конца августа 1943 года. В 1943 году польская АК действовала в Галичине, но в то время бандеровцы массово не вырезали там польское население, массовое истребление поляков в том регионе ОУН-УПА начала в январе 1944 года. Так причем здесь польская АК? Враньем имеют право оправдываться подозреваемые в совершении преступления, а не ученые, не историки. Разве С. Кульчицкий может указать хотя бы один, авторства ОУН-УПА, документ за период до декабря 1943 года, в котором говорилось бы о польской Армии Крайовой на Волыни?

Оставим байки-сказки С. Кульчицкого о польских и украинских «солтисах и бургомистрах» на Волыни, потому что никто польского бургомистра там не видел. Ими были исключительно украинцы, точнее украинские националисты. Нельзя, однако, обойти очередную бандеровскую пропаганду, повторяемую С. Кульчицким о том, что *нельзя недооценивать роль нацистов в розжигании взаимной ненависти между украинцами и поляками на территориях с национально-смешанным населением*, а пишет он об этом в контексте «украинско-польского противостояния». Разве не знает С. Кульчицкий такой, известной даже малограмотным политически, правды о том, что каждому оккупанту, всегда и в любом месте, когда еще идут боевые действия, следует удерживать покой в тылу, чтоб не оттягивать силы с

фронта для утихомиривания волнений? Если он этого не знает, то не должен брать слово о событиях на Волыни 1943 года. Тут уже вспоминался разговор епископа Поликара с комиссаром Волыни и Подолья, Шоене (с комиссаром целой Волыни и Подолья, не с каким попало служащим!), в которой Шоене добивался от епископа повлиять на бандеровских командиров, чтоб они не организовывали волнений, потому что их деятельность, которая приобретала черты восстания, является помехой в работе немецкой гражданской администрации, он добивался повлиять — *остановить восстание, потому что иначе население не избежит беды.* [43] То как такие заявления оккупационной власти оценивает С. Кульчицкий — немцы были за вражду, за взаимные убийства между поляками и украинцами, за хаос на оккупированной территории, или за поддержание спокойствия на ней, чтоб беспрепятственно получать контингенты, чтоб беспрепятственно брать молодежь на работу в Германию. Логика необязательна для пропагандистов, но она обязательна для историков, вообще для людей науки.

С. Кульчицкий упрямо, нелогично утверждает, что *напряжением в отношениях украинцев с поляками... воспользовались немецкие оккупанты. Когда немцы узнали, что украинская вспомогательная полиция оказалась одной из форм конспиративной сети ОУН(б), они начали ее разоружать... Оккупационная администрация заменила всех украинцев в вспомогательной полиции поляками...* Но ведь раньше С. Кульчицкий писал, что украинская полиция с оружием в руках перешла в распоряжение ОУН Бандеры по приказу последней. И не знает ли С. Кульчицкий о существовании отдельных, не подчиненных политически ОУН Бандеры, отделов украинской полиции после мая 1943 года?

И самое главное: С. Кульчицкий, не как ученый, не видит основной проблемы полицейских отделов в немецкой службе, а она сводится к простому: украинская вспомогательная полиция (за небольшими исключениями) была создана ОУН Бандеры и ей политически подчинена, вместе с тем польская полиция в службе немецкому оккупанту была создана в июне 1943 года, без разрешения и вопреки запрету польских политических факторов — не поступать на службу немцам. А практически причиной создания польской полиции было желание отомстить за резню польского населения, эта

полиция была создана из поляков, которым удалось убежать из-под бандеровского топора.

К жанру баек следует также зачислить утверждение С. Кульчицкого о том, что *напряженностью между поляками и украинцами* (какое деликатное слово «напряженность», хотя имела место резня!) *воспользовались советские партизаны ... они мобилизовали в свои отряды не менее 5 тыс. бойцов из числа местных поляков*. Какой же вывод делает С. Кульчицкий из этой констатации? Выглядит, что командование советских партизан воспользовалось резней польского населения боевиками ОУН-УПА. Но хвала ему, он, вопреки бандеровской историографии, не твердит, что «советы» разжигали украинско-польскую вражду. Однако из приведенного выше факта С. Кульчицкий неспособен сделать логический вывод, а получается, что во время резни боевиками ОУН-УПА польского населения не существовали на Волыни польские вооруженные формирования, никакая польская АК там не существовала, потому что тогда там не было ее, иначе польское население присоединилось бы к ней, а не к советским партизанам. После опыта большевистской власти в Западной Украине в 1939–1941 годах, там, среди местного польского населения, не было сознательных сторонников советской власти. Однако, остатки того населения, которое спаслось от резни, не имея иного выхода, нашли в советском партизанском движении, которое боролась с бандеровцами, своего союзника. Именно поэтому, а не из симпатий к советской власти, на Волыни создались в рамках советской партизанщины даже отдельные польские партизанские отряды. Только чтоб к такому выводу прийти, нужно логическое мышление, а не упрямое оправдание преступных формирований, которыми были ОУН-УПА.

Далее С. Кульчицкий пишет, что *во времена народной Польши* *какая-либо информация о трагичном польско-украинском конфликте, который имел место в 1943–1944 гг., не пропускалась цензурой*. Такое утверждение свидетельствует о том, что С. Кульчицкий не знает польской историографии об этих событиях, или просто сознательно говорит неправду об этом. Не может он не знать научного (не полностью обоснованного) труда А. Щесняка и В. Шоты «*Droga donikad*», (1973), а также Эдварда Пруса «*Herosi spod znaku tryzub*» (1985), «*Wladyka?wietojski*» (1985), Ришарда Тожецкого

«Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy» (1972, епископа Винценты Урбана «Droga krzyżowa Archidiecezji Lwowskiej w latach II wojny światowej (1983), Артура Баты «Bieszczady w ogniu» (1987), Генриха Цибульського «Czerwone poręcze» (1969) и других. По какому же праву С. Кульчицкий вводит в заблуждение Правительство Украины?

С. Кульчицкий, правда, пишет о ликвидации польских сил, о резне польского населения бандеровцами, но не делает из этих фактов выводов, он пишет очевидную неправду о том, что *в июле 1943 г. в воззваниях к польскому населению перед каждым польским селом было поставлено условие, чтоб его жители за 48 часов выбрались за Буг или Сян — иначе смерть!*», и далее — в ответ на это польское подполье *выдало приказ: сидеть на месте, иначе Польша утратит Волынь*. С. Кульчицкий, как видно, неспособен себе представить положение польского населения летом 1943 года, он, С. Кульчицкий, воображает, наверное, что в то время в польских селах были телефоны, радио, телеприемники, а может и интернет, что оно читало бандеровские воззвания, слушало, что говорит Лондон. Нет, так не было, в то время польское население сидело тихонько, в постоянном страхе, ожидая нападения со стороны бандеровцев. Кроме этого, неужели С. Кульчицкий не сознает того, что даже если бы польское население Волыни хотело подчиниться приказу бандеровских воззваний (о существовании которых на Волыни никто из тех поляков не знает, о них нет ни одного документа) то оно было физически неспособно подчиниться такому призыву: на Буге была граница. Эта логика С. Кульчицкого выглядит так, как если б ему кто-то дал приказ перепрыгнуть речку шириной 50 метров, угрожая смертью на случай невыполнения такого приказа. С. Кульчицкий & Co, написав такие глупости, дает доказательство того, что он — не историк, не ученый, он сознательно переписывает историю. И еще: он не обратил внимание на то, что в (несуществующем) приказе волынским полякам сказано «выбираться за Буг или Сян» — нелогичность? Ведь Волынь не была ограничена от Генерального Губернаторства Саном, только Бугом, так причем здесь «Сян»?

С. Кульчицкий нашел (!) причину «кровавого противостояния», он говорит, что это был *обоюдный экстремизм, для которого не может быть оправдания ни для одной из сторон*. На этом, собственно, С. Кульчицкий и завис: на нивелировании «вины» обеих сторон,

потому что факта резни поляков бандеровцы (и С. Кульчицкий) неспособны опровергнуть. Он не хочет видеть ни идеологических основ, ни политических оснований ОУН, которые привели к сознательной, массовой, доктринальной резне польского населения вооруженными формированиями ОУН Бандеры, которое следует квалифицировать как народовубийство: убивали, резали ножами, рубили топорами, жгли живьем, душили, вешали — всех без разбора — от младенцев до столетних стариков. За национальную принадлежность.

Отдельного исследования требовала бы проблема событий в Холмщине,^[44] за которую боролись ОУН-УПА и польские силы. Там ОУН-УПА устраивала свои структуры в украинских селах и поэтому в ходе борьбы с бандеровскими отрядами часто страдало украинское гражданское, не причастное к ОУН-УПА, население, но С. Кульчицкий, вместо объективного анализа ситуации, пытается использовать этот факт для оправдания ОУН-УПА, что не к лицу ученому. От пытается свалить вину на польское и украинское сельское население того региона за противостояние, хотя оно было спровоцировано самим формированием ОУН-УПА.

С. Кульчицкий замалчивает события в Галичине, а они были не менее, а более трагичными, потому что там намного больше было смешанных украинско-польских семей. Там тоже поляков убивали «за национальную принадлежность».^[45]

Излишней является ссылка С.Кульчицкого на *авторитетный польский журнал «Вензь»*, потому что он никакой ни «авторитетный», он не профессиональный, а как и многие другие журналы в Польше, он ведет политику за деньги «негосударственных организаций». И вообще объективные историки не должны ссылаться на польских современных историков, «наука» которых в большой мере политизирована.

В этом разделе С. Кульчицкий не отважился дать оценку польским и украинским жертвам кровавых событий на Волыни и в Галичине в 1943–1944 годах, так как она оказалась бы для него такой, что не отвечала бы «основным тезисам Отчета», а надо было бы ему посчитать — сколько таких жертв было с польской стороны, которые погибли от рук ОУН-УПА, а сколько их было с украинской стороны, которые погибли от рук Армии Крайовой. Тут скажем, что стремление

бандеровских историков уравнивать эти жертвы не дали результата, к тому же несомненным есть факт, что от рук ОУН-УПА в 1943–1944 годах на Волыни и Галичине мучительной смертью погибло как минимум 120 000 польского гражданского беззащитного населения. Это случилось вследствие введения в действие постановления ОУН об устранении (то есть уничтожении) польского населения «во время национальной революции» с «украинских этнографических территорий».^[46] Лишним также есть рассуждение о том кто лично виновен за это народовубийство — Микола Лебедь, Дмитрий Клячковский, Роман Шухевич или еще кто-то: виновно руководство ОУН Бандеры. Об украинских жертвах ОУН Бандеры разговор будет дальше.

В ОУН-УПА не было сил на то, чтоб бороться с немецкими и советскими партизанскими силами с целью их уничтожения, но у нее были силы на то, чтоб проводить поголовное уничтожение польского населения.

II. 12. Противостояние украинских националистов и органов советской власти

В самом начале этого раздела С. Кульчицкий заявляет, что *с образованием повстанческой армии украинские повстанцы становились воюющей стороной независимо от своего желания воевать с Германией*. Это означает, что, по С. Кульчицкому, УПА была украинским повстанческим формированием, хотя, учитывая ее образование путем террора волынских крестьян, она таковым не была. Повторим: во всем мире, во все времена все восстания были следствием организованного или спонтанно сформированного добровольного формирования. Бандеровская УПА таковым не была. Бандеровска УПА была формированием ОУН Бандеры, как одной политической силы в Западной Украине, которая не имела поддержки со стороны украинского народа и поэтому ее ряды пополнялись путем террора.^[47] Далее, если *воюющей стороной независимо от своего желания воевать с Германией*, то ОУН-УПА «воюющей» стороной следует считать с кем? С Советским Союзом, который был членом антигитлеровской коалиции? Если да, то тогда к такой «воюющей стороне» надо применять меры и законы как к формированию, которое

выступало против антигитлеровской коалиции и потерпело поражение во Второй мировой войне. А если рассматривать ОУН-УПА «воюющей стороной» в смысле вырезания польского населения, то в отношении нее надо применять закон о народоубийстве, о котором речь шла выше.

Касаясь проблемы места ОУН-УПА во II-й мировой войне, С. Кульчицкий пишет, что *все зависит от точки зрения*, хотя ему следовало бы придерживаться точки зрения объективности и логики. С этой (а не с бандеровской и С. Кульчицкого) точки зрения во Второй мировой войне воевали две стороны, две коалиции. С одной стороны был агрессор — гитлеровская Германия, к которой, как к агрессору и тому, кто начал эту войну, прислонились ОУН, став на его сторону. На стороне гитлеровской Германии выступили Венгрия, Румыния, Италия, Япония, некоторые коллаборационистские силы, как хорватские усташы, словацкие тиссовцы. С другой стороны была антигитлеровская коалиция, которую с 1942 года называли Объединенными Нациями, в состав которой во время войны входили — Советский Союз, Великобритания, США, Франция, Польша и другие государства, которые воевали против агрессоров.

ОУН Бандеры приняла участие в агрессии на Советский Союз, дала в распоряжение Германии свои вооруженные формирования — батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» (до конца 1942 года) и украинскую вспомогательную полицию — до апреля 1943 года. В период с апреля по декабрь 1943 года ОУН-УПА не была на стороне Германии, но и не вела против ее сил действий с целью их уничтожения, а начиная с декабря 1943 года, ОУН-УПА снова действовала совместно с Германией. Выше сказанное доказано в научных, основанных на архивных документах, работах.^[48] На них не желает обращать внимание ни С. Кульчицкий, ни любой другой украинский националистический историк, так как их, как всесторонне обоснованных, нельзя дезавуировать. Поэтому можно согласиться с С. Кульчицким, что *все зависит от точки зрения*. Итак — с бандеровской точки зрения (к которой присоединяется С. Кульчицкий), ОУН-УПА не была преступным формированием, а с объективной, научно обоснованной точки зрения — ОУН-УПА была преступным формированием. Вопреки С. Кульчицкому, из названных выше работ

вывод один и неоспоримый — ОУН-УПА была преступным формированием.

С. Кульчицкий много пишет про проведенную в 1944 году советской властью мобилизацию населения Западной Украины *с целью ослабления ОУН-УПА*. Так что же, неужели этого не могло делать государство, которое воевало с гитлеровской Германией? Оно не должно было проводить мобилизацию, чтобы, случайно, не ослабить УПА? При этом С. Кульчицкий не рассматривает с юридической и теоретической точки зрения проблемы «мобилизации» тысяч крестьян в УПА. Или, по его мнению, ОУН Бандеры имела право террором «мобилизовать» украинцев в УПА? И почему «мобилизовать», если бандеровская УПА должна была быть повстанческим движением, то есть не принудительным. Эти проблемы остаются без внимания С. Кульчицкого.

Факта необходимости зачислить ОУН-УПА в преступное движение не в состоянии изменить применяемые советской властью методы борьбы, о которых пишет С. Кульчицкий. Эта власть, как власть признанного международным правом государства, имела право и обязанность прекратить преступную деятельность ОУН-УПА на территории страны. Неморально поэтому говорить С. Кульчицкому *о колоссальных потерях, причиненных репрессивными органами советской власти участникам повстанческого движения*, не вспоминая при этом не менее, а намного более колоссальных потерь, которые нанесли формирования ОУН Бандеры гражданскому населению, а они, польские и украинские жертвы, исчислялись сотнями тысяч, а рядом с ними от рук ОУН-УПА гибли советские военнослужащие выполняя приказы легальной власти.

II. 13. Противостояние украинских националистов и советской власти в послевоенный период

С. Кульчицкий почти с одобрением пишет о методах деятельности ОУН Бандеры во время выборов в Верховный Совет СССР в послевоенные годы, он приводит пример повешения советской активистки с прикрепленной к ее трупам запиской: *Так будет с каждым, кто агитирует голосовать.*

Утверждение С. Кульчицкого о том, что в послевоенный период *выполняя приказ командования УПА, командиры территориальных частей повстанческой армии и местные проводы ОУН перешли к действиям мелкими группами из засад, вмещает элемент дезинформации, как будто до этого времени большие объединения ОУН-УПА вели большие бои с силами советской власти. Фактически же, ОУН-УПА никогда не вела инициированных ею больших боев с советскими силами, а только когда последние атаковали отделы ОУН-УПА с целью их уничтожения, они оборонялись независимо от того, какие силы их атаковали. Боев, инициированных ОУН-УПА, ни против советских (ни немецких) сил с целью их уничтожения не подтверждают ни отчеты действий ОУН-УПА, ни опубликованные бандеровские хроники.*

Вообще «борьба» бандеровских сил против советской власти в послевоенный период сводилась к саботажам, диверсиям и убийствам мирных людей, причем эта «борьба» не выходила за пределы сел и сельсоветов, она не достигала даже уровня районов. Вот примеры этой «борьбы»: ^[49] село Поточища, Городенковского района — Бурнас Василий Иванович, 1913 г.р., работал трактористом, убит в 1946 году; Балан Прасковья Павловна, 1908 г.р., домохозяйка, убита в 1945 году за отказ помочь оуновцам продуктами; Волощук Илья Никитович, 1888 г.р., крестьянин-единоличник, убит в 1945 году;... Дедюк Анастасия Алексеевна, 1904 г.р., домохозяйка, убита в 1945 году за отказ помочь оуновцам продуктами... Зонеман Елена Матвеевна, 1875 г.р., полька, убита 2 ноября 1944 года за национальную принадлежность; Костенко Григорий Трофимович, 1881 г.р., крестьянин-единоличник, убит в 1946 году за сына-милиционера; Костенко Розалия Иосифовна, 1888 г.р., домохозяйка, убита в 1946 году за сына-милиционера; Костенко Анастасия Григорьевна, 1911 г.р., домохозяйка, убита в 1946 году за брата милиционера; Костенко Виктор Григорьевич, 1908 г.р., работал милиционером, убит 8 февраля 1946 года в селе Семанивцах; Костенко Мирослав Викторович, 1938 г.р., ^[50] убит в 1946 году за отца-милиционера; Красовская Мария, 1808 г.р., убитая в ноябре 1944 года за национальную принадлежность». И так далее, и так далее — в Галичине и на Волыни, от рук формирований ОУН Бандеры в 1941–1950 годах погибло по меньшей мере 80 000 украинского населения.

А вот из бандеровских источников: 27 октября 1944 г., на хуторе Майдан-Бильшык УПА сожгла совхоз... 3 ноября 1944 г. в селе Онут спецбойка ликвидировала председателя сельсовета... 4 ноября в селе Калынивка бойка СБ сожгла дома и скирды в совхозе, дом сельсовета в селе Барбивицы и ликвидировала секретаря сельсовета.....^[51] 4.4.45. Группа повстанцев сделала наскок на районный городок Ланивцы. Повстанцы сожгли мост, несколько домов, уничтожили несколько сексотов и разбили колхозную базу (забрали сахар и масло).^[52] 6.I.47 в селе Дорогив (р-н Галич, Стан. обл.) повстанцы уничтожили первого секретаря районного комитета партии... 8.I.47 г. в селе Борщей (р-н Заболотов, Стан. обл.) бойка ОУН разоружила «прыжков». Бойкари получили 8 винтовок и ППШ.... в тот же день в том же селе разгромили сельский совет, уничтожили списки избирателей... 23.3.47 в селе Дороговище (р-н Николаев, Дрог. обл.) повстанцы ликвидировали председателя сельсовета, который помогал организовать колхоз.^[53] 2.4.48. повстанцы сожгли мост узкоколейки... уничтожили помещения клуба... в селе Мільча Маленькая (р-н Вербя, Рівн. обл.) сожгли колхоз... уничтожили телефонную линию... уничтожили помещения сельсовета... уничтожили в сельсовете документы.^[54] Это были такие, как говорит С. Кульчицкий, «195 акций» за апрель — июнь 1947 г., они были однотипными до 1950 года.

Так вот выглядела «борьба» ОУН Бандеры с советской властью, это были сугубо криминальные методы, чего не хочет видеть С. Кульчицкий. Он же старается оправдать их преступления, их жестокость — фанатизмом, а на самом же деле те, кто не захотел воспользоваться амнистией, потому что имея за собою зверские преступления, не имели шансов на помилование, они «боролись» до конца, часто застреливались в случае раскрытия «схронов». Кроме того, почему С. Кульчицкий не принимал во внимание бандеровскую «Декларацию Провода Организации Украинских Националистов после окончания второй мировой войны в Европе» с мая 1945 года, в которой высказана надежда на третью мировую войну, и из-за этой надежды бандеровцы не сдавались?

С. Кульчицкий жалеет, что вследствие разгрома формирований ОУН Бандеры исчезла массовая база, на которую всегда опиралось освободительное движение.

С. Кульчицкий говорит также о том, что советской власти *удалось создать в среде оуновцев атмосферу взаимного недоверия*, но не упоминает о фактической атмосфере в руководстве ОУН Бандеры, начало которой следует датировать первыми месяцами 1944 года, о чем на 60 страницах в подробностях описывает «Дубовый», включительно с описаниями взаимных убийств, этот документ есть в одном из киевских архивов, его копия есть у автора этой критики, но, учитывая господствующие теперь отношения в Украине, он не может получить координаты документа. Бандеровцы, как пауки в банке, взаимно себя пожирали, и это не была работа советской власти, причиной этого было политическое поражение руководства ОУН Бандеры.

С. Кульчицкий пишет, что *деятельность спецгрупп имела ярко выраженный бандитский характер*, хотя не должен обобщать проблемы, так как факт бандитской деятельности одной из тех групп была выявления советскими органами и виновные за это состояние были привлечены к уголовной ответственности, о чем докладывал М. Хрущеву прокурор полк. Кошарский.^[55] Одиночные случаи злоупотреблений со стороны некоторых спецгрупп, ОУН Бандеры использовала для распространения лживой информации о них. С. Кульчицкий, когда говорит про эти спецгруппы, не упоминает главного: они были созданы из бандеровцев, которые сдались советской власти с повинной; он не упоминает также о том, что единственным заданием этих групп была борьба с вооруженными формированиями ОУН Бандеры. Про эти задачи и характеристику деятельности спецгрупп С. Кульчицкий мог бы узнать из существующего архивного документа.^[56]

С. Кульчицкий приводит страшную статистику жертв ОУН Бандеры, но почему-то последовательно не обращается к опубликованным данным, по которым этих жертв было по меньшей мере 80 000. Но даже так, С. Кульчицкий, без осуждения преступников, без собственных выводов, говорит про 13 355 жертв среди колхозников и крестьян, про 1931 интеллигента, про 860 других разного возраста, а ими были жертвы от грудных детей до стариков, которые пали жертвой «борьбы» ОУН Бандеры против советской власти. Эту «борьбу» ему тоже надо было назвать преступлением народовбийства.

II. 14. Идеология украинских националистов

Сразу надо сказать, что нельзя говорить об идеологии «украинских националистов», а надо говорить об идеологии «украинского национализма», это семантическое различие С. Кульчицкий и Г. Касьянов, который обрабатывал эту тему, как научные работники, должны бы знать. Они, как оказывается, не только этого различия не знают, они, стыдно даже об этом писать, не понимают понятия «идеология», смешивают ее с политикой, стратегией, с «национальной идеей».

Идеология — это, по самому популярному определению, мировоззрение: философский исходный пункт — кто мы в мире и каково наше отношение к остальным, какими ценностями мы руководствуемся? Кто наш друг по природе, а кто враг? В идеологии христианства — все люди братья. В идеологии капитализма, которая является наднациональной, — собственники капитала диктуют условия жизни трудящимся. Идеология социализма^[57] — наднациональная, деление общества на социальные классы эксплуататоров (владельцев капитала) и эксплуатируемых (производителей), эти последние независимо от национальности должны объединяться с целью борьбы за свои права и за свержение капиталистического строя. Идеология фашизма исходит из положений превосходства своей нации (расы) над другими, внутри нации предусматривает ее иерархическую структуру — во главе нации «вождь» (Il Duce — Benito Mussolini, der F?hrer, — Adolf Hitler, укр. «вождь», теперь «провидных»), в распоряжении которого находится «элита» нации — в итальянском фашизме ею были «чернорубашечники», в немецком нацизме «коричневорубашечники», в украинском национализме «оуновцы». Фашизм претендует на превосходство своей нации (расы), которая силой оружия распространяет свои владения, руководствуясь принципом территориальной экспансии на территории более слабых народов (Италия — Абисиния), Германия, руководствуясь теорией «превосходства нордической расы» на территории народов «низшей расы»; украинский национализм (только в теории, так как никогда не добился власти) — экспансия без определения границ, руководствуясь «правом» вида в природе (*species*).

Все остальное — когда, против кого, каким образом вводить в действие идеологические принципы капитализма, социализма,

фашизма — относятся к стратегии, политике, тактике.

Кроме того, С. Кульчицкий и Г. Касьянов повторяют некоторые, абсолютно неприемлемые с научной точки зрения, соображения украинских националистических деятелей, как например, Владимира Мартынца, автора ненаучной книжки, в которой он, кроме ряда необоснованностей, делает «идеологический» выпад в сторону Донцова, что он не принимает во внимание антипольской установки ОУН, хотя это сфера не идеологии, а политики, а возможно, и его, Донцова, личное дело: он жил в Польше не как польский гражданин и поэтому мог опасаться возможных репрессивных шагов со стороны власти Польши в случае атак на нее. Конкретнее об этом В. Мартынец пишет: *Чем идеология национализма (украинского, но не донцовского, с его точки зрения — В.П.) отличается от донцовства? Проблемами, которые Донцов не затронул, а которые организованный национализм разработал самостоятельно, были: 1) польско-украинская проблематика; 2) проблема соборности Украины; 3) стратегия и тактика украинского освободительного движения.* ^[58] Только из этого видно, что В. Мартынец не понимает понятия «идеологии», а на его книжку, как идеологическую работу, ссылаются С. Кульчицкий и Г. Касьянов.

Именно по этой причине, не понимая понятия «идеология», С. Кульчицкий и Г. Касьянов, говоря как будто бы об идеологии, но по сути ничего о ней не вспоминая, много места в этом разделе (об идеологии ОУН) посвятили проблемам программ II-го (римского) ВЗУН 1939 года и II-го (краковского, бандеровского) ВЗОУН с апреля 1941 года. Хотя программы не являются идеологией, но они их к ней причисляют.

Авторы этого раздела, говоря о понятии «интегрального национализма», ограничивают его до идеологии, хотя в понятие «интегрального украинского национализма» входят — его идеология, программы и практическая (преступная) деятельность. В этой связи необходимо привести хотя бы короткое пояснение термина «интегральный национализм». Авторы «Отчета» правильно ссылаются на Дж. Армстронга, по которому «интегральный национализм» характеризуется такими признаками:

— вера в то, что нация является наивысшей ценностью, которой должны быть подчинены все другие ценности;

— обращение^[59] к мистической идее единства всех лиц, которые составляют нацию (которая базировалась на предположении, что национальное единство объединяет в целостный организм биологические характеристики или также необратимые последствия совместного исторического развития);

— подчинение рационального, аналитического мышления «интуитивно правильным» эмоциям;

— существование харизматичного лидера, который является воплощением «воли нации»;

— культ действия, войны и насилия как выражения биологической жизнеспособности нации.

Это — действительно прерогативы идеологии «интегрального национализма», то есть фашизма, это и является идеологией. А само слово «интегральный» в контексте «интегрального национализма» автор этой критики поясняет так: движение, которое опирается на выше охарактеризованную идеологию (итальянский фашизм, немецкий нацизм, украинский (интегральный) национализм), как и другие тоталитарные движения, группирует (интегрирует, втягивает) вокруг своей идеи всех, кого может сгруппировать, а кого невозможно убедить в этой идее и кто против нее активно выступает — тех надо выкинуть из группы-нации, изолируя их физически или политически. Это — как в водовороте: центр воронки, самые сильные ближе к центру, более слабые подальше от него, и наконец водоворот центробежной силой выбрасывает тех, кто в него не втянулся.

С. Кульчицкий и Г. Касьянов манипулируют фактами, отмечая основное, а именно то, что идеологией украинского национализма стала доктрина Дмитрия Донцова, принятая на идеологическое вооружение ОУН постановлением I-го Конгресса украинских националистов в 1929 году.^[60] Даже в соответствии с авторами этого раздела *в основе раскола* (речь идет о расколе в ОУН на бандеровцев и мельниковцев — В.П.) *не было обоснованных идеологических расхождений*, а о том, что доктрина Д. Донцова и в дальнейшем в Украине XXI-го столетия является идеологией ОУН, они могли бы убедиться из устраиваемых сейчас в Украине многих «научных» конференций, на которых признается этот факт, так же как из информации про Донцова на украинских националистических интернетных страничках.^[61]

Но не это самый существенный упрек в адрес С. Кульчицкого и Г. Касьянова, он в том, что они не видят в доктрине Д. Донцова (идеологии украинского национализма) самого главного, а именно того, что в ней Донцов определяет нации как виды в природе (лат. *species*), которые, в процессе борьбы за выживание и пространство, ведут перманентные войны с другими нациями. В основу этой доктрины, а следовательно и в идеологию украинского национализма, положены антинаучные утверждения философского течения т. н. «социального дарвинизма».

Именно потому, что С. Кульчицкий и Г. Касьянов не понимают понятия «идеологии», они в «Отчете» говорят про украинское «соборное» государство, как об элементе идеологии украинского национализма, хотя это относится к политической программе ОУН, это есть сферой политики, а не идеологии. Из идеологии украинского национализма вытекает другая его цель — территориальная экспансия без обозначенного конца. Авторы «Отчета» не видят главнейшего в идеологии украинского национализма — вражды и войн между нациями, которые стали основанием идеологии украинского национализма в отношениях Украины с другими нациями. Если по идеологии христианства все люди — братья, то по идеологии украинского национализма люди другой нации — враги и, хотя они иногда родные братья, матери, сестры — их, из идеологических соображений, следует убивать — «за национальную принадлежность», как написано в документах. Вспомним при этом о том, чего не хотят видеть авторы «Отчета»: в Галичине большой процент сельского населения составляли смешанные, польско-украинские семьи, массовой была практика убийств участниками формирований ОУН Бандеры матери-польки сыном-украинцем, сестры-польки братом-украинцем. И это делали по приказу «сверху» не из политических, тактических или ситуативных соображений, а из идеологических. [\[62\]](#)

Многим может быть непонятным утверждение, что брат-украинец убивал сестру-польку, поэтому надо пояснить то, что было страшной трагедией галицких селян. В Галичине было много смешанных украинско-польских браков. Там украинцы в большинстве своем были греко-католиками, а поляки римо-католиками. Обе церкви — греко-католическая и римо-католическая — подчинены Ватикану, разные по

национальности и вероисповеданию (греко- и римо-католики, украинцы и поляки) могли венчаться в одной или в другой Церкви, а после этого украинец-грекокатолик оставался украинцем и грекокатоликом, а его жена оставалась полячкой и римокатоличкой — или наоборот — он поляк и римокатолик, а она украинка и грекокатоличка. А вот их дети в таких случаях в вероисповедании и национальности «следовали» за родителями — сыновья за отцом, дочери за матерью. Таким образом образовывались странные двухвероисповедальные и двухнациональные семьи. При таких условиях в семье часто были братья-украинцы и сестры-полячки. И иногда брат-украинец убивал сестру-полячку. Иллюстрацией этого является заголовок упомянутой книжки — «Петрусю — не убивай меня!». Такое приказывать и исполнять могли только сформированные идеологией украинского национализма бестии в человеческом обличи, о чем и пишет Михаил Добрянский.

В животном мире не наблюдаются случаи убийств ни «матерей» «сыновьями», ни «сестер» «братьями». Идеология нацизма исходит из положений, что нордическая раса должна править миром, и поэтому все остальные расы должны быть уничтожены. Идеология украинского национализма исходит из положений, что украинская нация, как вид в природе, должна уничтожать все другие нации «в борьбе за выживание и территорию» (аналогия гитлеризма), поэтому, между прочим, оуновцы во время «национальной революции» пели:

*Смерть, смерть, ляхам^[63] смерть.
Смерть московсько-жидівській комуні.
В бій кривавий ОУН нас веде.*

Эти основы идеологии украинского национализма С. Кульчицкий с Г. Касьяновым замалчивают.

Только попутно С. Кульчицкий и Г. Касьянов вспоминают институт «вождя нации» (нации, не только ОУН!) в идеологии украинского национализма, хотя должны бы сказать, что, согласно идеологии украинского национализма, внутренняя структура нации строго иерархичная: во главе нации должен стоять *вождь*, в распоряжении которого *инициативное меньшинство*, на практике —

члены ОУН, которых Донцов называет тоже *элитой нации, слоем лучших людей*, которые по отношению к остальной части нации применяют *творческое насилие*, причем этот остаток нации, то есть ее по меньшей мере 90 % большинство, Донцов называет чернью, занузванным быдлом, которое должно выполнять приказы инициативного меньшинства.

Это и есть идеология украинского «интегрального», то есть фашистского типа, украинского национализма.^[64]

С. Кульчицкий и Г. Касьянов не удосужились провести анализ раскола в ОУН, связанный с «вождизмом» в украинском национализме, хотя его надо объяснять именно доктриной Донцова, согласно которой «элита нации», в том числе и ее «вождь», появляется *не путем выбора, а путем подбора*, Донцов учит: *должно произойти столкновение (разных групп или личностей в движении — В.П.), должны появиться носители новой, объединяющей идеи... должна появиться группа, которая увлечет одних, поведет за собой других, а третьих устраним.*^[65] Именно на этой основе произошло столкновение между «вождями» ОУН — С. Бандерой и А. Мельником. Только институт «вождя» отличает ОУН Бандеры от ОУН Мельника.

Вспомним в этой связи известное высказывание С. Бандеры: *Наша власть будет страшной!* И сравним его с тем, что про «вождя» писал Д. Донцов: *Не является препятствием для проводника, если он иногда должен пустить прогнившую кровь ... чтобы заставить разыгравшуюся стихию покорно согнуть шею.*^[66]

Проблему такого вождизма в ОУН полностью замалчивают С. Кульчицкий и Г. Касьянов. Случайно ли? При всем этом С. Кульчицкий с Г. Касьяновым сознательно прибегают к подмене понятий, например, когда они пишут, что в интегральном западноевропейском национализме были общие черты у всех националистических движений, развившихся в Европе в 1920-х гг., хотя речь идет о фашистских, а не националистических движениях, национализмы же, как и социализмы, бывают разные.

С. Кульчицкий и Г. Касьянов затрагивают тему родственности идеологии украинского национализма с итальянским фашизмом и с немецким нацизмом, делая вывод, что это — разные идеологии. Надо откровенно сказать, что украинский национализм с его идеологией, не является копией итальянского фашизма или немецкого нацизма, он —

самобытное явление, хотя зародилось оно на образцах фашизма. Немецкий нацизм, вопреки мутному объяснению С. Кульчицкого и Г. Касьянова, в западной науке рассматривается как интенсифицированная форма фашизма. При этом следует сказать, что итальянский фашизм не сформулировал своей идеологии в письменной форме, его идеология проявлялась на практике — в диктатуре внутри нации и в территориальной экспансии снаружи, тогда как идеология немецкого нацизма, сформулированная А. Гитлером в его работе «Майн Кампф», намного скромнее доктрины Д. Донцова: Гитлер все человечество относил к виду в природе, делая ударение на превосходстве нордической расы, тогда как Донцов относил нации к видам в природе, так что его доктрина намного более бесчеловечная, чем нацизм.

Хорошо хотя бы то, что С. Кульчицкий и Г. Касьянов подтверждают, что в ОУН Бандеры *исключают возможность содержательной идеологической эволюции*, то есть ОУН Бандеры остается на идеологических позициях с 1929 года. Скажем при этом: эта идеология не может быть модифицирована. Что же до ОУН Мельника, то она тоже ни разу не отошла от этой идеологии, а ее (как тоже ОУН Бандеры) заявления про «демократичность», это лишь проявления применяемой этими фракциями ОУН тактики. Идеологически ОУН руководствуется доктриной Дмитрия Донцова, который был и остается единым творцом идеологии украинского национализма.

С. Кульчицкий вместе с Г. Касьяновым не решились сформулировать оценку идеологии украинского национализма, поэтому следует воспользоваться такой оценкой близких к ОУН людей. Первый из них это Михаил Добрянский (Демкович), бывший, вместе со Степаном Бандерой, Ярославом Стецько и другими, член «Организации высших классов украинских гимназий» в довоенной Польше. Он, под псевдонимом «М. Лагодівський», в объемной статье в 1947 году написал, между прочим, что Д. Донцов в *главном произведении «Национализм» представил тезис об аморальности национализма как одном из главных столпов националистической идеологии... Первый раз в истории Зап. Украины начали в уважаемых публикациях и прежде всего в национальном журнале «Литературно-Науčný Вестник» пропагандировать*

аморальность как национальную добродетель... Донцов был тем, кто весом своего авторитета перевесил соотношение сил и перерешил исход борьбы за освобождение бестии в украинском человеке. Про «освобождение бестии в украинском человеке».^[67] Про «освобождение бестии в украинском человеке» можно было бы, опираясь на факты, написать целые тома. Руководствуясь идеологией Д. Донцова, еще в 1929 году националисты в оуновской брошюре поучали: *Хотите крови? — дадим море крови! Хотите террора? — сделаем его адским! Не стесняйтесь мордовать, грабить и поджигать. В борьбе нет этики!*^[68] Только бестия в людском обличи может приказать отрубить сокирой голову на пне перед товарищами жертвы. Командир УПА Юрий Стельмашук на допросе сказал о том, что он сделал со своими боевиками: *Всего в этих районах я 29 и 30 августа 1943 года вырезал более пятнадцати тысяч мирных жителей, среди которых были старики, женщины и дети. Делали мы это таким образом: согнав поголовно все население в одно место, мы их окружали и начинали резню, после этого, когда уже не оставалось ни одного живого человека, мы выкапывали ямы и бросали в них трупы...* Так могли делать только бестии в людском обличи.

Другим автором был греко-католический священник, о. Юрий Федорив, после войны доктор христианской теологии, который, вместе с другими украинскими националистами, в межвоенный период, отбывал наказание в польской тюрьме во Вронках, и по поручению старших националистов проводил там идеологическое обучение остальных националистов. Он в послевоенные годы в Торонто, уже как священник церкви св. Николая, написал и опубликовал под псевдонимом «Юрий Мозиль» книжечку «На Вронках», в которой дал оценку идеологии украинского национализма, говоря, что в этой идеологии *требовалось отказаться от всего, и отца и матери, Бога и совести, закона и этики, любви ближнего и личных человеческих чувств. Во имя одного: Завоюешь, или погибнешь.*^[69]

Или этих позиций литературы не знали авторы «Отчета»?

Что же после этого всего сказать?

Что же после этого всего сказать? Разве только то, что если бы С. Кульчицкий и прочие из «рабочей группы историков», пришли, как студенты второго курса истории, к автору этой проработки на экзамен с такими, как в «Отчете», знаниями, то им, после оценки

«неудовлетворительно», автор этой критики посоветовал бы, чтобы они изменили направление обучения на другой, не связанный с историей, так как они ее не понимают. Но, раз они историки по профессии, да еще и из Национальной академии наук, профессора, то следует задать им такие вопросы:

Почему авторы «Отчета» замалчивают в нем антихристианский характер идеологии украинского национализма, почему не комментируют ее главной практической основы: «Нация превыше всего!», то есть выше человека, выше признанной современной цивилизацией морали, выше человечества, выше Бога? Почему они не вспоминают принципа аморальности в украинском национализме («хорошо все, что хорошо для нации», причем что такое «добро» решают проводники ОУН, часто на низшем — районном, сельском уровне — малограмотные); почему они не вспоминают про роль ненависти в идеологии украинского национализма как его движущую силу?

Почему они в основу своих работ не включили научные работы авторов, которые сделали иные, чем украинские националисты, выводы и оценки украинского национализма, вот хотя бы работы автора этой критики, а среди них есть единственный опубликованный в мировой литературе анализ идеологии украинского национализма?

Почему они ограничились публикациями архивных документов авторства симпатиков украинского национализма, таких, как Владимир Косик, а пренебрегли документами опубликованными, например, автором этой критики, а среди них есть документ в виде протокола заседания «Съезда заграничных национал-социалистов» в Штутгарте от 6 IX 1937 года, на котором репрезентованная Владимиром Мартынцем ОУН, составила жалобу на правительство Польши за несправедливую трактовку украинцев, на которую после рассмотрения было решено *представить мемориал Вождю Немецкого Народа... просить Вождя доступными путями обратить внимание... Съезд постановляет передать принятые решения для сведения Вождям Украинского и Немецкого Народа.*^[70] Название этого фашистского интернационала — «Съезд заграничных национал-социалистов», так как все происходило в гитлеровской Германии, куда съезжались «заграничные национал-социалисты», то есть немемецкие национал-социалисты, то есть немемецкие фашисты. Из этого вывод, по

которому ОУН в межвоенный период сама себя зачислила (включилась) в «заграничные (в отношении к Германии) национал-социалисты», то есть в фашисты. Этот документ — единственный опубликованный в мировой литературе, который неопровержимо доказывает, что ОУН была фашистской.

Почему они не сделали анализа постановлений Сборов и Конференций ОУН, в которых были сформулированы политические основы украинского национализма, между прочим поставлена цель ОУН: построение Украинской Самостийной Соборной Державы (УССД), а она должна была бы включать территории, которые входят в сегодняшнюю Польшу, Беларусь, Российскую Федерацию, Молдову, Румынию, Венгрию и Словакию, что означает территориальные претензии к этим государствам, а это противоречит международному праву и грозит будущими (на случай победы национализма в Украине) войнами?

Почему они не сделали оценки саботажной и диверсионной деятельности ОУН на территории суверенной Польши в межвоенный период на основе международного права и законов государства, на которой совершались действия ОУН, то есть Польши?

Почему они не сформулировали оценки, по которой бандеровская УПА не была добровольческим формированием?

Почему они не дали оценки массового террора ОУН Бандеры по отношению к украинскому населению Волыни и Галичины?

ПОЧЕМУ они замалчивают факт существования и преступной деятельности формирований ОУН Бандеры с названием «Служба безопасности» и «Полевая жандармерия», которых украинское население боялось больше немецкого Гестапо и большевистского НКВД, а они были бандеровской ОУН наделенные «правом» судить участников УПА и мирное население и выполнять приговоры, включая смертный?

Почему они замалчивают факты, по которым, часто 16-летние боевики «Службы безопасности» ОУН Бандеры, массово расстреливали бывших советских солдат и офицеров, а их трупы топили в колодцах?

Почему они замалчивают террор ОУН Бандеры, введенный внутри УПА, где бегство из нее наказывалось смертной казнью через расстрел перед отделением, а иногда и путем отрубания топором

головы перед отделением? Почему они не дали оценки таким фактам — знают ли они такие методы террора среди других цивилизованных народов?

Почему они замалчивают существование в УПА отделений азербайджанцев, узбеков и других, которые образовались из тех советских солдат и офицеров, которые попали в немецкий плен, сумели из него убежать и слонялись по волынским лесам? Не потому ли, что их, а также т. н. «схидняков» (украинцев с т. н. «подсоветской» Украины), с приближением восточного фронта бандеровская «Служба безопасности» поголовно перестреляла?

Почему они не упоминают о существовании на Волыни двух лагерей евреев — врачей и ремесленников, которых разными способами бандеровцы стянули в них и которых там использовали для пользы ОУН-УПА, а с приближением восточного фронта бандеровская «Служба безопасности» также их поголовно перестреляла?

Почему они ни слова не сказали о бунте украинцев — «схидняков» в рядах ОУН-УПА (они к ним попали вследствие независимых от них событий), которые, не соглашаясь с преступной деятельностью ОУН Бандеры на Волыни, в июле 1944 года образовали Народно-Освободительную Революционную Организацию (НВРО), программа которой предусматривала широкомасштабную социальную сферу?^[71]

Способны ли они видеть разницу между украинской вспомогательной полицией, которая была образована ОУН Бандеры и была ей политически подчинена, и польской полицией, которая появилась вопреки запрету Делегатуры правительства Польши в Лондоне?

Почему они замалчивают участие, наряду с немцами, украинской полиции в массовом истреблении украинского населения Волыни, например в упомянутом селе Кортелисы, а их было больше?

Почему они не дают оценки массовым убийствам формированиями ОУН Бандеры польского (120 000 жертв) и украинского (80 000 жертв) населения? Почему не показывают, что это была преступная работа прежде всего «Службы безопасности» ОУН Бандеры?

Почему они замалчивают действительные задания «спецгрупп» по разгрому ОУН-УПА? С какой целью они подчеркивают

несуществующее насилие этих групп над мирным населением и не дают при этом тщательной характеристики их деятельности? Почему они замалчивают тот факт, что «спецгруппы» состояли из тех участников УПА, которые явились с повинной к советской власти? Почему они не анализируют этой важной проблемы, не связывают ее с принудительной службой в УПА?

Почему они не дали правовой оценки территории преступных действий ОУН-УПА, с чем связана проблема гражданства преступников и их жертв? Эти территории в свете международного права в 1943–44 годах принадлежали Польше, которая оставалась в положении оккупированной страны, то есть в *status quo ante bellum* (аннексия 1939–1941 гг. Западной Украины Советским Союзом не была признана международным правом). Анализ и выводы по этому вопросу дали бы ответ относительно незаконной деятельности ОУН-УПА (а наряду с этим указали бы на моральную ответственность сегодняшней Польши за игнорирование этой проблемы). Вспомним, что именно этот аргумент (польское гражданство) использовали защитники личного состава дивизии СС-Галичина, когда в 1945 году Советский Союз добивался их выдачи.

Почему они не дают общей оценки ОУН-УПА, хотя даже из того, что они написали в «Отчете», вывод очевидный — ОУН-УПА (вместе с другими структурами ОУН Бандеры) — преступное формирование.

Почему в «Отчете» и в книге проблема идеологии украинского национализма находится на самом конце? Встает также вопрос: не сознательно ли С. Кульчицкий и составители книги туда ее поместили, чтобы, не ссылаясь на нее, отвести от нее внимание, или же принижают вес, значение идеологии украинского национализма, хотя именно она «высвободила бестию в украинском человеке». Если первое предложение верно, тогда проблема моральная — С. Кульчицкий и составители не ищут правды, они ее затушовывают, а если они недооценивают вопрос идеологии, то они — невежды в общественных науках.

Способны ли, работающие над темой семь лет, историки — авторы «Отчета», включая руководителя группы проф. С. Кульчицкого, понять, что научно доказанное определение виновника преступления народовубийства очистит украинский народ от клейма народовубийцы, так как то, что совершила ОУН Бандеры с ее формированиями, вне

всяких сомнений квалифицируется как народоубийство, а общественное мнение в Польше, в том числе и в книжках, пользуется стереотипами: «украинцы мордовали»?

* * *

Опираясь на «Отчет» и на сказанное в этой критике, существует необходимость отвергнуть всяческие старания признать ОУН-УПА воюющей стороной, одновременно существует необходимость однозначно осудить: ОУН Бандеры (и ОУН Мельника) как сугубо фашистское идеологически-политическое движение, ОУН Бандеры как организатора преступных формирований — УПА, «Службы Безопасности», Полевой жандармерии, т. н. «Самооборонных кустовых отделов», а также краевых, районных и других руководств ОУН Бандеры — до станичных включительно.

Осудить ОУН Бандеры и ее формирования должна в первую очередь Верховная Рада Украины, как ее высший законодательный орган.

Наказывать сегодня уже некого, все участники преступлений — престарелые люди. Террором «мобилизованные» в УПА, с целью избежания морального осуждения, должны досказать установленным порядком факт насильственной их «мобилизации».

И в конце весьма важная проблема: ОУН, от ее рождения и по сегодняшний день, в центре своей идеологии и политических программ ставит украинскую нацию. Это означает, что ни одна научная разработка связанной с ОУН темы не может обойти вопроса: сформировалась ли до этого времени украинская нация — нация с одним языком, нация с чувством территориального единства, нация с одинаковым взглядом на минувшее и будущее и т. п.?

Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: к началу XXI-го столетия украинский народ не сформировался в современную, европейского образца, нацию. Именно этот факт должен определять координаты исследования феномена, известного как «украинский интегральный национализм». Украинская нация должна формироваться, но не под националистическим, бандеровским или мельниковским, флагом и не с донцовской «национальной идеей». [\[72\]](#)

Торонто, март, 2006 г.

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом
NemaloKnig.net - приходите ещё!

[Ссылка на Автора этой книги](#)

[Ссылка на эту книгу.](#)

notes

Примечания

1

1. против экстремального недуга — экстремальные средства
лечения (лат.)

2. www.ukrnationalism.org.ua

3. Тоже в интернете: <http://history.org.ua>

4. Между прочим, вследствие позиции Института истории Укаины НАН, в Украине интенсивно пропагандируется пробандеровское толкование истории Украины нового времени, доказательством этого является хотя бы то, что Министерство образования Украины разослало критикуемый здесь «Отчет» во все школы Украины с рекомендацией использовать его в учебном процессе. В Тернополе опубликована книжка Г. Стародубец, в которой она преподносит бандеровское видение истории Украины, и эту книжку Министерство образования Украины тоже рекомендует использовать как учебное пособие, проф. В. Сергийчук назойливо распространяет неправду про ОУН-УПА.

5. Написано «бандеровская УПА», потому что была еще и другая: УПА — Тараса Бульби-Боровца, которая действительно была движением повстанческим, так как в ее состав входили исключительно добровольцы

6. Государственный архив Ровненської области (ДАРО), ф. Р-30,
оп. 2, спр. 113, л. 105

ЦДАГОУ — Центрального державного архіву громадських
об'єднань України

7. Wiktor Poliszczuk. Nacjonalizm ukraiński w dokumentach. Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. t. III–V, Toronto, 2002, 2003

8. Они опубликованы в интернете на: www.poliszczuk.narod.ru

9. ДАРО, ф. Р-30, оп. 2, spr. 113, лл. 100–102

10. Фотокопия в архиве автора данной критики, а также: «Украинский историк», США, № 1–4 (101–104), 1990 г., сс. 114–119

11. «Оборона Украины», ДАРО, ф. Р-30, оп. 2, spr. 16, лл. 6,7

12. Более подробно цитируемые здесь письма можно найти в публикации: Виктор Полищук, «Рік 1943: ОУН Бандери на Волині. Діяльність ОУН Бандери в світлі «Відкритих листів до Проводу ОУН Бандери», авторства Тараса Бульби-Боровця,» Торонто, 2002; а также в аналогичном издании на польском языке, Варшава, 20 Кроме этого, в интернете: www.poliszczyk.narod.ru

13. «Zeszyty Historyczne» № 30, Париж, 1974, сс. 103–137;
Обширные выдержки из рапорта опубликованы в: Wiktor Poliszczuk,
«Dowody zbrodni OUN i UPA», Toronto, 2000, ss. 34–36

14. См.: Постановления I Конгресса украинских националистов в: Петро Мірчук, Нарис історії ОУН, т. I, Мюнхен, 1968, с. 91 і след. Постановления этого Конгресса опубликованы также в: Wiktor Poliszczuk, Nacjonalizm ukraiński w dokumentach, t. III, Toronto, 2002, ss. 58–61

15. «Словник української мови» (одиннадцатитомний), т. X, с. 503

16. www.poliszczyk.narod.ru

17. «Робітничча газета України», 29 IX 1992, розказ А. Азаренко

18. Wiktor Poliszczuk, Dowody zbrodni OUN i UPA, Торонто, 2000, cc. 217–238

19. Пацификация — карательные меры, связанные с уничтожением людей и имущества

20. Тарас Гунчак, «В мундирах врага», Київ, 1993; Мирослав Кальба, «Нахтігаль» (Курінь ДУН)», Денвер, США, 1984; Лев Шанковський, «Історія українського війська», Вінніпег, 1954

21. «Робітнича газети України», указаные уже номера

22. Włodzimierz Bunusiak, «Kto zabił profesorów lwowskich?», Rzeszów, 1989, ss. 70, 82, 83; Zygmunt Albert, «Zamordowanie 25 profesorów wyższych uczelni we Lwowie przez hitlerowców w lipcu 1941 r.», w: «Przegląd lekarski», nr 1/1964

23. Adolf Hitler, «Mein Kampf», Wrocław, 2005, cc. 185, 186

24. Жизненное пространство для немцев

25. «Самостійна Україна», № 3 от 10 июля 1941 р., фотокопия в архиве автора

26. Центр. Архив Верховних Органов Власти України, ф. 3833,
оп. 3, д. 7, сс. 1–6

27. «Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Документи і матеріали», т. III, бмв., 1983, сс. 23–35

28. Слово «покривала» (в оригинале текста) в этом предложении — очевидный англизм, что указывает на то, что в редактировании критикованного «Отчета» участие брали украинские националисты из Запада

29. ДАРО, ф. Р-30, оп. 2, спр. 1 лл. 100–102

30. ДАРО: Р-30, оп. 1, спр. 19, л. 15

31. ДАРО, ф. 03, оп. 1, спр. 5, лл. 46–48

32. «Вісті Комбатанта», № 1/1966, сс. 10–18; № 2/1066, сс. 16–25

33. «Літипис УПА», Торонто, 1984, т. 5, с. 23

34. Мобилизовать имеет право только легальная, признанная международным правом, государственная власть, поэтому «мобилизация» проведенная ОУН Бандеры была обычным насилием, террором.

35. Звуковая запись в коллекции автора. После войны автор этой критики узнал, что из села Липа, Дубенского района, откуда родом его отец, в 1943 году бандеровцы забрали двух самых красивых девушек, которые никогда не вернулись домой.

36. <http://oun-upa.org.ua>

37. «Ідея і чин», № 5/1943 в: ДАРО, ф. Р-30, оп. 1, спр. 10, лл. 26, 27

38. Wiktor Poliszczuk, «Dowody zbrodni OUN i UPA», Toronto, 2000, c. 254

39. ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, спр. 16, лл. 198–201

40. Wiktor Poliszczuk, «Nacjonalizm ukraiński w dokumentach», III, Toronto, 20 ss. 86 i nast.

41. Володимир Кубійович, «Мені 85», Париж, 1985, сс. 87, 88, 169

42. ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, спр. 16, лл. 198–201

43. Такие исследования есть, хотя бы: Wiktor Poliszczuk, «Dowody zbrodni OUN i UPA» Toronto, 2000

44. Wiktor Poliszczuk, «Nacjonalizm ukraiński w dokumenach», cz. 3, Toronto, 2003, cc. 370–470; Wiktor Poliszczuk, «Gwałt na prawdzie o zbrodniach OUN Bandery», Toronto, 2003

45. См.: Wiktor Poliszczuk, «Dowody zbrodni OUN i UPA», Toronto, 2000

46. См.: ряд опубликованных архивных документов — «призывных листков», в которых за неявку в УПА грозили расправой: Wiktor Poliszczuk, «Nacjonalizm ukraiński w dokumentach», Toronto, 2002, ss. 314, 339 и другие

47. Wiktor Poliszczuk: «Ideologia nacjonalizmu ukraińskiego», Toronto, 1996; «Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu», t. I —zbrodni OUN-UPA, Toronto, 2003; t. II — «Dodowy zbrodni OUN i UPA», Toronto, 2000; tt. III–V — «Nacjonalizm ukraiński w dokumentach»

48. «Прикарпатська правда» номери от 25 октября 1990 г. до 12 июня 1991 г., опубликованные в: Wiktor Poliszczuk, «Nacjonalizm ukraiński w dokumentach», cz. 3, Toronto. 20 ss. 437 и след.

49. Восьмилетний ребенок

50. «Літопис УПА», т. 19, Торонто, 1992, сс. 251 и след.

51. «Літопис УПА», т. 16, Торонто, 1987, сс. 108 и след.

52. «До зброї», 1950, № 6

53. «Бюро Інформації Української Гловної Визвольної Ради»,
лист. 1949, № 5

54. ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 16, spr. 68, лл. 2–10

55. ЦАРФ: ф. 9478, оп. 1, spr. 400, лл. 81–87

56. Не путать «социализм» с «большевизмом»

57. Володимир Мартинець, «Ідеологія організованого і т. зв. волевого націоналізму», Вінніпег, 1954, с. 40

58. В тексте «Отчета» написао «апеляція», англ. «appeal», что указывает на факт участия в работе над «Отчетом» украинского националистического историка (историков) с Запада

59. Петро Мірчук, «Нарис історії ОУН», т. I, Мюнхен, 1968, с. 91

60. www.ukrnationalism.org.ua

61. Blicharski Czesław, «Petruniu, ne ubywaj mene», Biskupice, 1988

62. Полякам

63. Дмитро Донцов, «Націоналізм», Львів, 1926; Дмитро Донцов, «Хрестом і мечем», Торонто, 1967

64. Дмитро Донцов, «Хрестом і мечем», Торонто, 1967, сс. 123, 131 — передрук з праці «Об'єднання чи роз'єднання», опублікованої у Львові 1938 року

65. Там же, с. 185

66. «Проблеми», № 1, Мюнхен, 1947, сс. 9–13

67. Віктор Поліщук, «Гірка правда: злочинність ОУН-УПА»,
Торонто, 1995, с. 317

68. Юрій Мозіль, «На Вронках», Торонто, 1959, с. 73

69. ДАРО, микрофильм № 124 148 (дело Степана Янишевского)

70. ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, spr. 29, лл. 11, 12; ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, spr. 42, лл. 46–52

71. См.: последний раздел «Націоналізму» Дмитра Донцова, Львів, 1926

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом NemaloKnig.net - приходите ещё!

[Ссылка на Автора этой книги](#)

[Ссылка на эту книгу.](#)